

ТИСАТО АБЭ

Ворону не к лицу кимоно

Японское фэнтези. Ятагарасу

Тисато Абэ

Ворону не к лицу кимоно

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.521-312.9
ББК 84(5Япо)-44

Абэ Т.

Ворону не к лицу кимоно / Т. Абэ — «Издательство АСТ»,
2012 — (Японское фэнтези. Ятагарасу)

ISBN 978-5-17-144957-5

5 причин прочитать книгу «Ворону не к лицу кимоно»: Новый впечатляющий роман одной из самых популярных авторов в Азии Тисато Абэ! Только в Японии продано более 1 200 000 экземпляров книг! Японское фэнтези с захватывающим сюжетом! Семейные традиции и дворцовые интриги, сражения за власть и проверка дружбы! Тисато Абэ лауреат литературной премии Японии Мацумото-Сэйчо! Бонус! Все книги серии «Японское фэнтези. Ятагарасу» складываются в невероятно красивое панно! Говорят, что узрев богатство земель Ямаути, горный бог Ямагами-сама велел старейшине рода, Золотому Ворону, обустроить этот край. Золотой Ворон разделил землю на четыре части и дал по одной каждому из своих детей. И пообещали все четверо, что и они, и дети их, и внуки будут беречь подаренные им земли. Так началась история четырех домов и четырех земель, история дома Сокэ, ставшего пристанищем старейшины и его семьи... По древнему обычаю каждый Золотой Ворон в свое время должен выбрать себе супругу. Четыре девушки из четырех знатных домов приезжают, чтобы быть представленными ко двору – ведь именно так выбирают невесту будущего правителя. За каждой – сила и слабость ее семьи, интриги и секреты прошлого. А наследник не торопится появляться перед претендентками. Дворец полон опасностей и тайн, которые скрывают вороны. Или же люди?.. Кто на свете всех милее, всех прекрасней и белее, кто всех изящнее, образованнее и искуснее, кто станет супругой наследника, а в будущем – правителя земли воронов?

УДК 821.521-312.9
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-17-144957-5

© Абэ Т., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Предисловие	11
Глава первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Тисато Абэ

Ворону не к лицу кимоно

#####

KARASU NI HITOE WA NIAWANAI

Chisato Abe

Russian translation Copyright is arranged with Bungeishunju Ltd., Tokyo and Tuttle-Mori Agency, Inc., Tokyo

Copyright © ABE Chisato 2012

All rights reserved.

Originally published by Bungeishunju Ltd., 2012

Cover illustration by NATSUKI

© Румак Н.Г., перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», ООО «Реанимедиа ЛТД.», 2021

Когда явился горный бог Ямагами-сама, с горных пиков хлынула вода, деревья покрылись цветами, рис склонил отяжелевшие колосья.

Говорят, что, узрев богатство земель Ямаути, Ямагами-сама велел Золотому Ворону обустраивать этот край.

Золотой Ворон разделил землю на четыре части и дал по одной каждому из своих детей.

Первому ребенку – восточные земли, где распускаются цветы.

Второму ребенку – южные земли, где зреют плоды.

Третьему ребенку – западные земли, где клонятся к земле рисовые колосья.

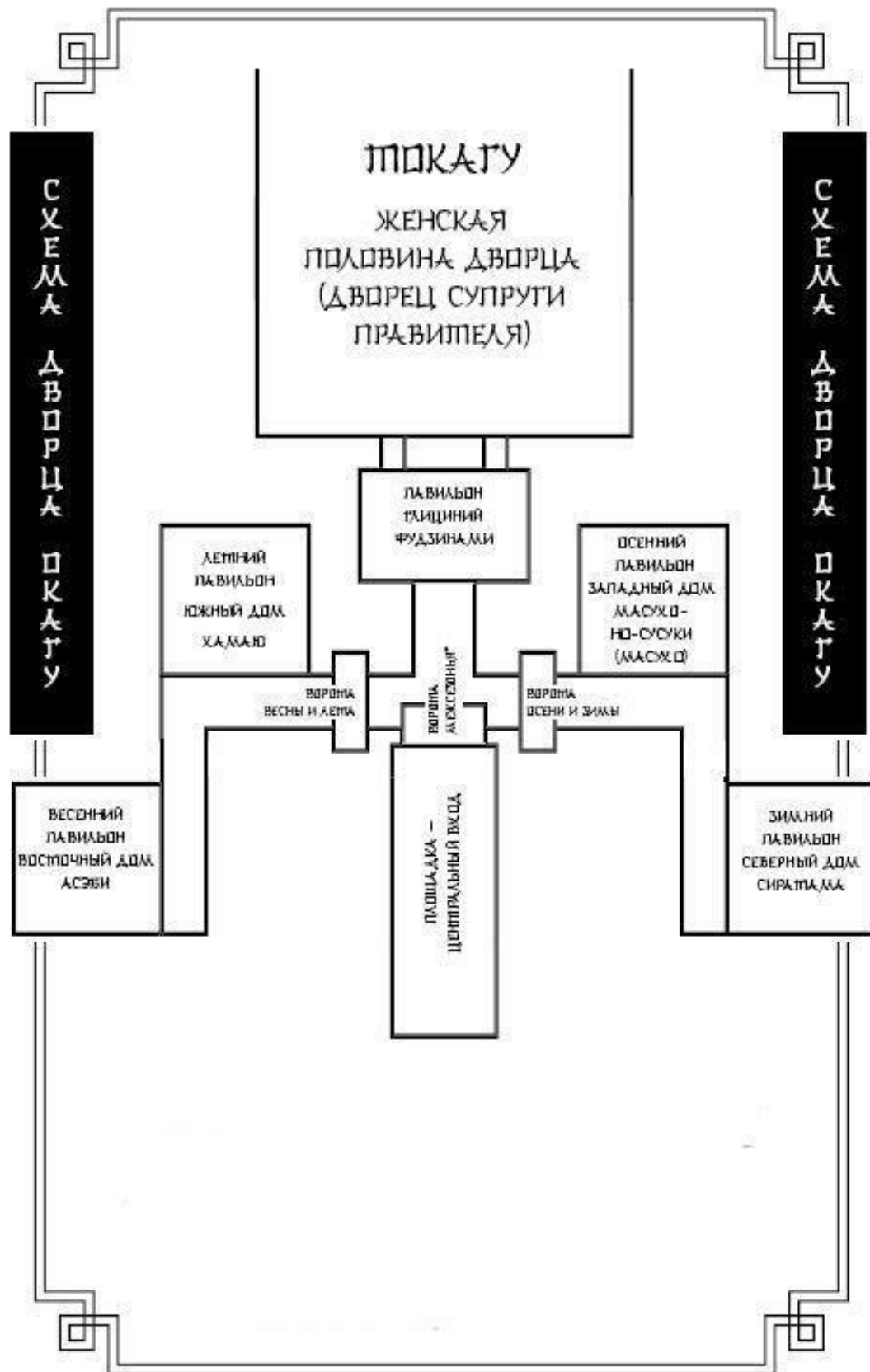
Четвертому ребенку – северные земли, где бьет из-под земли вода.

И пообещали все четверо Золотому Ворону, что и они, и дети их, и внуки будут беречь подаренные им земли.

Так началась история четырех домов и четырех земель, история дома Сокэ, ставшего пристанищем Золотого Ворона.

«Сказ о начале земли Ямаути, поведанный старухой из восточных земель»

Из «Собрания трелей горной страны Ямаути», воспоминаний главы военного ведомства о совершенном им паломничестве.

Названия ворот соответствуют элементам одной из основных категорий китайской философии У-син, предполагавшей пятичленную структуру мироздания. Времена года – весна,

лето, осень, зима – соответствуют также направлениям – востоку, югу, западу и северу. Центральные ворота – это центр мира и межсезонье.

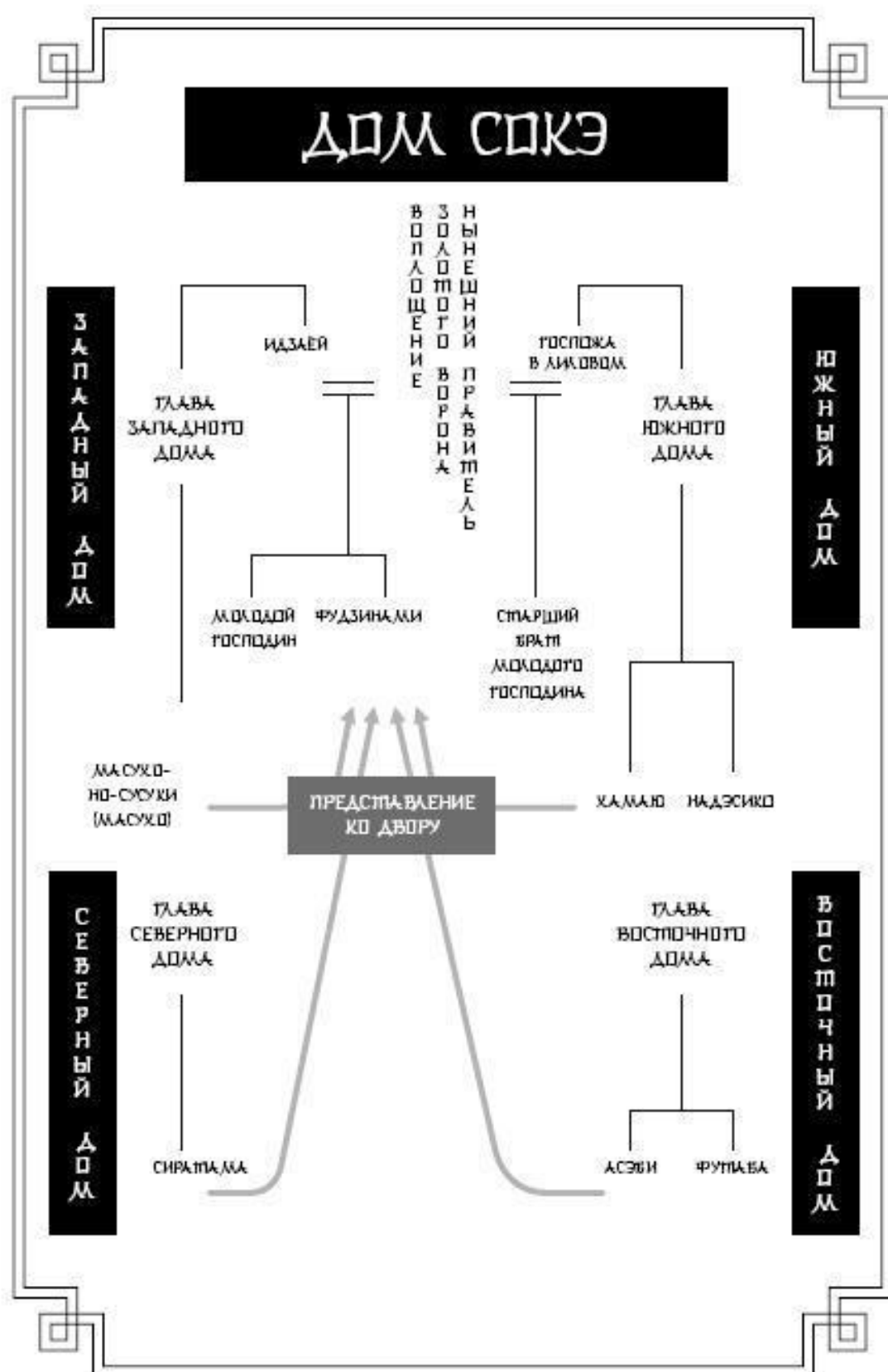
Здесь и далее – прим. переводчика.

Дворец Окагу, который находится в ведении госпожи Сакуры, супруги наследника (до ее назначения дворцом управляют придворные дамы, обитающие в павильоне Глициний). Ее выбирают среди дочерей четырех аристократических семей, представленных ко двору.

Каждой претендентке отдают в распоряжение один из павильонов, входящих в состав дворца Окагу: Весенний, Летний, Осенний, Зимний.

Ямаути-сю – стража дома Сокэ. Охраняет дворцы правителя, в том числе дворцы Токагу и Окагу на женской половине.

Кэйсоин – академия для подготовки гвардейцев Ямаути-сю.

Фудзимия-рэн – придворные дамы в доме Сокэ, но при необходимости могут быть защитницами и воинами.

Предисловие

Впервые я подумал, что она мне подходит, когда мне было лет пять или шесть.

Это случилось приятным утром в разгар весны, когда ветер дул чуть сильнее, чем обычно.

С криком «Сакура зацвела!» явилась моя дурная компания. Суми обычно приходит, когда хочет вытащить меня на улицу. Так и есть: тащит меня на обрыв на границе нашей земли, куда взрослые ходить запретили.

По словам Суми, с той стороны обрыва, на соседней земле, чуть-чуть видны в белой дымке распустившиеся цветы сакуры. Мы со смехом бегаем друг за другом и забираемся в лес.

А там Суми подворачивает ногу.

Наверное, Суми отвлек широкий просвет между расступившимися деревьями. Я холодею, услышав грохот летящего с обрыва тела.

Едва успеваю сорвать кимоно и превращаюсь в птицу, чтобы ринуться вниз. Однако когда я снова оборачиваюсь человеком и подбегаю к Суми, то слышу энергичную ругань и, не удержавшись, смеюсь.

В неглубоком ущелье мой смех разлетается эхом. Суми с несчастным видом держится за голову, но вдруг поднимает взгляд выше моего плеча и замолкает. Проследив за тем, куда смотрит Суми, я вижу нечто невероятно прекрасное.

За обрывом начинается чужая земля. Там, на вершине утеса, и правда цветет великолепная сакура.

А под гордо распустившимся деревом видна человеческая фигура.

Я вижу сияющие золотом позвякивающие украшения на волосах.

Мягкие волосы – таких в нашей семье нет – завиваются светло-каштановыми локонами. На нас с Суми удивленно глядят светлые, будто прозрачные глаза. Длинные рукава кимоно – нежно-розового цвета. Разбросанный по ткани узор из лепестков сакуры очень идет этой маленькой девочке.

Дует ветер.

По бледно-голубому небу летят лепестки.

Глава первая

Весна

Кажется, уже расцвела слива.

Отовсюду доносится легкий, нежный сладковатый аромат. Если остановиться и оглядеть двор, между темными сосновыми иглами можно заметить белоснежные лепестки.

Самое начало цветения.

Почти одновременно с восхищенным вздохом зазвучали нежные звуки кото¹. Музыка явно старалась передать ощущение весны. Стараясь не шуметь, мужчина прошел по открытой галерее и со спины увидел того, кто играл, сидя за легкими занавесками.

– Какая славная мелодия! – произнес он, дождавшись, когда отзвуки музыки смолкли. Игравший удивленно обернулся.

– Ой, отец! А я вас не заметила!

Мужчина широко улыбнулся смущенной девушке и живо подошел к ней.

– А где остальные? Как там ее, Укоги? Где она?

– Ушли собирать полынь. Наверное, скоро вернутся.

– Ясно.

Словно примирившись с этим обстоятельством, мужчина сам вытащил из угла комнаты круглую соломенную циновку и уселся перед дочерью.

– То, что ты играла сейчас, – это твоё сочинение?

– Ах, вы слышали? Мне так неловко! Это просто пустяк, от нечего делать, – беспечно улыбнулась девушка. Но если она считает это безделкой, музыканты двора будут бледно выглядеть на ее фоне.

Вторая дочь Восточного дома – девушка со светлыми волосами и глазами. Умненькая девочка, талантлива в музыке, высокая, миловидная. Отец с задумчивым видом внимательно оглядел дочь, вздохнул и покачал головой.

– Да уж, теперь и не скажешь, что ты дочь своего отца. Полна талантов, да еще и такая красавица. Как же хорошо, что ты похожа на мать.

Вторая дочь Восточного дома игриво хихикнула и прикрыла рот рукавом.

– Не говорите таких грустных вещей. Все говорят, что я похожа на вас, отец.

– Вот еще! Интересно, чем же?

– Укоги говорит: «Ты слишком кроткая, на тебя невозможно смотреть с волнением».

– Да уж, это точно, – рассмеялся отец, но тут с лестницы послышался шум: похоже, вернулись придворные дамы.

¹ Кото – традиционный щипковый музыкальный инструмент, на деревянный корпус которого натянуты струны.

* * *

Возвращение главы Восточного дома, который служил при дворе, в центральном городе Тую, крупным чиновником, и так событие нечастое. Тем более неожиданным оно было сейчас, когда никаких событий не планировалось. Отец остановил потрясенных дам, хлопотавших об устройстве надлежащего приема, и позвал к себе Укоги.

Укоги – опытная дама-нёбо², ей в этом году уже сорок лет. Девушка, которой она прислуживает, по некоторым причинам живет в отдельном павильоне. Вот туда без всякого предупреждения и нагрянул глава дома. Сначала Укоги была настороже, пытаясь разгадать причину его появления, но потом у нее разболелась голова. Однако глава дома вел с дочерью светский разговор, не собираясь переходить к делу: какая красивая у вас в саду слива, как вы хорошо стали играть на кото...

– Кстати, ты ведь не появлялась на пиру в честь начала нового года, который устраивали в главной усадьбе?

– Прошу прощения. Я ведь так ждала этого праздника... Но вам не стоит волноваться, ничего серьезного – слегка разболелся живот.

– Что ж, тогда хорошо. Ведь ты должна быть особенно аккуратна, правда, Укоги?

Укоги была рада, что отец с дочерью так мило беседуют, и уже начала надеяться, что все обойдется, поэтому очень удивилась, когда глава дома внезапно позвал ее.

– Да-да, чего желаете?

– Ты ведь распоряжаешься здесь хозяйством, верно? Когда приходили люди из главной усадьбы, ничего не говорили про Футабу?

– Про госпожу Футабу?

Футаба живет в главной усадьбе, она Первая дочь Восточного дома, то есть приходится старшей сестрой хозяйке Укоги – Второй дочери Восточного дома.

– Ах да, говорили, что она изволила разболеться...

– Так и есть! – Глава Восточного дома с беспокойством нахмурил брови. – На том пиру по случаю Нового года она, похоже, подхватила оспу.

Укоги и Вторая дочь Восточного дома переглянулись, широко открыв глаза от удивления.

– Но ведь госпожу Футабу вот-вот должны были представить ко двору!

Представление ко двору было этапом, предваряющим выбор девушки в качестве супруги или наложницы правителя. Формально это означало прислуживать при дворе, но в случае с дочерью такого известного дома, как Восточный, работать оказывалось почти не на кого. Придворной дамой девушка становилась только по названию, это была система выбора супруги для наследника правителя. Уже и специальный дворец, где должны были собираться претендентки, был подготовлен. Назывался он Дворцом цветущей сакуры, Окагу, а когда девушку переселяли туда, считалось, что она представлена ко двору. Там их впервые встречал наследник правителя, молодой господин, и впервые официально вводил девушек во дворец.

Что ж, если его дочь станет прислуживать при дворе, он займет более высокое положение в политике. Хозяин Восточного дома спокойно пожал плечами.

– К счастью, угрозы жизни нет, однако ясно, что с оспинами путь во дворец ей заказан.

– Ах...

– Так вот. Вторая дочь Восточного дома, не согласишься ли пойти вместо нее?

Отец так легко сказал это, что Укоги на миг замерла, а потом робко переспросила:

– Вместо кого?

– Я же говорю – вместо Футабы.

² Нёбо – личная прислужница хозяйки в аристократическом семействе.

– Куда – вместо Футабы?

– Во дворец же!

– Во дворец?

Ух ты! Девушка вытаращила глаза.

– Неужели я смогу отправиться ко двору?

– Именно так. А я закажу для тебя много красивых кимоно.

Вторая дочь Восточного дома радостно обернулась:

– Укоги, ты слышала?

Но осеклась, увидев потрясенное лицо дамы-нёбо:

– Что с тобой, Укоги?

– Госпожа, здесь разговор не о кимоно.

– Да?

– Вас ведь ко двору представят! Ко двору!

– Но ведь это значит, что я попаду в главную усадьбу Сокэ?

Девушка радовалась, ведь впервые за много лет ей удастся куда-то поехать, но Укоги в волнении повысила голос:

– Дело не в этом! Вы, госпожа, стали претенденткой на роль супруги Его Высочества молодого господина из дома Сокэ – вот что важно!

Сокэ – это дом Золотого Ворона, старейшины рода. Значит, молодой господин из дома Сокэ – сын правителя, то есть наследник престола.

Восточный дом – один из четырех знатных домов, связанных с родом дома Сокэ. Название дома связано с тем, что однажды прародитель рода – Золотой Ворон – разделил горную страну Ямаути на четыре части между своими детьми. Каждый из четырех домов унаследовал по одному наделу на востоке, западе, юге и севере: Восточные дом – восточные земли, Западный – западные...

Все это – историю страны и прочее – положено знать при представлении ко двору. Но, к сожалению, живущая в отдельном павильоне младшая дочь, которая и не мечтала попасть ко двору, ни в чем, кроме музыки, не преуспела. Укоги закатывала глаза, предвидя ожидающие девушку сложности, а та спокойно сидела перед дамой-нёбо, наклонив голову набок.

– Не знаю, как сестрица Футаба, но, если я попаду ко двору, я ведь не сумею делать ничего другого, кроме как прислуживать придворным дамам из дома Сокэ.

Отец взглянул на нее с улыбкой и кивнул.

– Тебе достаточно будет сидеть и улыбаться. Необязательно лезть из кожи вон, чтобы понравиться молодому господину. Остальные молчать не будут, так что ничего страшного не произойдет, ты просто быстро вернешься домой.

– Господин! – простила Укоги. – Что вы такое изволите молвить...

– А разве не так?

Вот вам – отец, у которого дочь на выданье. Девушка улыбнулась отцу, который сидел с несчастным видом, и принялась нежно увещевать Укоги.

– Смотри же, Укоги, какая я счастливая: отец так меня бережет!

– Так-то оно так...

– Не волнуйтесь, отец. Я скоро вернусь. И я так рада, я ведь никогда не была в Тюо.

Отец кивнул.

– Думаю, тебе это пойдет на пользу. Там будет твоя подруга, госпожа Фудзинами, и много других девушек твоего возраста. Тебе стоит с ними подружиться.

– Хорошо.

Укоги при этих словах слегка нахмурилась. Ей уже случалось сопровождать девушек ко двору. Она могла бы многое рассказать о том, что там происходит, но пока сочла правильным промолчать.

– Интересно, что это за место?

Укоги тихонько вздохнула, чтобы девушка, не помнившая себя от радости, ее не услышала.

* * *

С того дня Вторая дочь Восточного дома начала хлопотать, готовясь к путешествию во дворец. К счастью, вещи, которыми должна была пользоваться сестра, можно было просто забрать себе, а вот с ее любимыми служанками, да и с образованием дело обстояло не так просто. Что-то в общих чертах удалось вколотить ей в голову путем напряженных занятий, но, когда пришел день отбытия, оставалось еще много поводов для беспокойства.

Для подготовки к отправлению в Тюо свита, прибывшая в главную усадьбу Восточного дома, сразу же взялась за дело.

– Единственное ваше спасение – это хорошо усвоить манеры и этикет, – наставляла довольная Укоги, облачая девушку в парадные одежды. – Здесь я могу это сказать. Я ведь всегда, всегда мечтала о том, чтобы вас, госпожа, приняли во дворец. Надеюсь, мне удалось научить вас хотя бы тому, как вести себя при дворе, – я всегда имела в виду такую возможность. Иначе ведь у нас ничего бы не вышло.

Она почти хвасталась.

На аккуратно уложенных волосах закрепили венец с драгоценными камнями и металлическую заколку, на плечи набросили персикового цвета шлейф – вот все и готово. Укоги оглядела девушку с головы до ног и восхищенно выдохнула.

– Нехорошо так говорить про свою госпожу, но какая же вы у нас красавица! И пусть хозяин говорит что угодно, а я уверена, что сын правителя выберет вас!

Укоги безудержно превозносила хозяйку, и Вторая дочь Восточного дома, смутившись, поспешила сменить тему.

– Сколько времени добираться до Тюо?

– На летающей колеснице – всего полдня. Вы-то не привыкли к дальним поездкам, тяжело покажется, но это и правда очень быстро.

– Я не боюсь!

Укоги потянула девушку за руку, и та, пройдя по коридору, ахнула, увидев летающую колесницу, которую вытащили из-под навеса. На украшенном великолепной тонкой резьбой экипаже сверкал герб Восточного дома. А запряженное в колесницу животное девушка вообще видела впервые.

Сначала ей показалось, что это птица. Ее перья и клюв отливали черным, круглые глазки все время двигались. Однако размером она была со взрослого человека или даже двух, которые могли бы спрятаться под ее крыльями, а ног, которых должно быть у птицы две, было целых три.

– Укоги, что это? – чуть-чуть отступив от острого клюва, спросила девушка.

Укоги ответила:

– Это конь.

– Конь? Вот это – конь?

– Госпожа, вы что, впервые видите коня? – Немолодой мужчина, держащий поводья огромного ворона, улыбнулся девушке.

– Так ведь я впервые поеду на летающей колеснице. В свитках я коней видела, но это были звери с четырьмя ногами, а эта птица не такая.

– То божественные кони. Они исчезли много сотен лет назад, и теперь мы называем конями вот их.

– А он не кусается?

– Бывают норовистые, но наш спокойный. Когда узнал, что повезу барышню, приготовил для вас лучшую лошадку.

Укоги усмехнулась и указала на мужчину:

– Он ведь давно уже управляет конюшней. Рад, наверное, что госпожа заинтересовалась его лошадками.

– Так оно и есть. – Мужчина радостно закивал.

– Ведь отвезти девушку, которую представляют ко двору, в Тюо – такая честь, которая выпадает только раз в жизни, да еще и неизвестно, выпадет ли вообще. Все наши работники льют слезы восхищения.

Вторая дочь Восточного дома только открыла рот, чтобы ответить, как ее ласково окликнула Укоги. Девушка послушно двинулась за дамой, которая манила ее во внутренний двор: там выстроились все работники дома.

– Госпожа, от всего сердца поздравляем вас с грядущим представлением ко двору! – Все слуги и служанки, которые работали на нее до сегодняшнего дня, склонив головы, прокричали хором поздравление. У всех на лицах были разные выражения: печальные, досадующие, возбужденные от невероятного счастья...

– Вы... – Она не могла говорить.

Из-за слов отца она не думала, что быть представленной ко двору – это какая-то особенная удача. Ей было приятно, что все так радуются за нее, но она также ощущала и какую-то вину.

– Спасибо вам! Но я наверняка скоро приеду обратно.

При этих ее словах служанки возмутились:

– Госпожа, не извольте такое говорить!

Увидев недоуменное лицо Второй принцессы, заговорил молчавший до сих пор слуга.

– Госпожа! Мы всегда будем рады встретить вас дома.

– Каскэ...

Каскэ – молодой слуга, который всегда заботливее других относился к девушке.

– Берегите себя, госпожа! – попросил он со слезами в голосе, и Вторая дочь Восточного дома тепло улыбнулась ему.

– Мне так приятно это слышать.

Она помахала всем, прощаясь, и все работники выпрямились и наперебой закричали:

– Счастливого пути!

– Поздравляем с представлением ко двору!

– Ну же, пойдемте, – заторопили девушку, и она, не в силах сдержать возбуждения, уселась в колесницу. Интересно, как она полетит? Девушка выглянула наружу и увидела, что позади появились еще два ворона. Они поддерживали колесницу сзади, а первая птица, видимо, должна была вести остальных.

Мужчина-возничий прикрикнул на коней, и та птица, что была впереди, широко взмахнула крыльями. Тут же поднялся ветер, и с, казалось бы, чисто выметенной земли взметнулась туча песчинок. Ветер растрепал челку Второй дочери Восточного дома, и она почувствовала, как прыгает в груди сердце. Ворон несколько раз взмахнул крыльями, и вся повозка вдруг взмыла в воздух. Девушка ухватила за устроенные внутри поручни и выглянула в окошко: ей хотелось понаблюдать за взлетом. Она успела заметить, как из усадьбы кто-то смотрит ей вслед. Человек прятался за колонной, но она увидела, как мелькнул подол белого нижнего платья. В следующий миг их взгляды встретились. Вторая дочь Восточного дома вытаращила глаза и ахнула.

Это же...

– Госпожа, мы отправляемся. Пожалуйста, сидите тихонько.

Окошко захлопнулось перед ее носом, и девушка, не говоря ни слова, уселась на место. Она ничего не сказала вслух, но была уверена, что узнала стоявшего там человека.

Конечно же, это сестрица Футаба.

Сердце снова сильно забилося, но совсем не так, как раньше. Она вдруг почувствовала, как внутри все холодеет, будто ее облили водой.

Ведь по-настоящему на ее месте должна быть сестра.

Она сидела бы здесь, облаченная в окуренные благовониями алые одежды, цвет которых бледнеет от верхнего слоя к нижнему, а вокруг нее хлопотали бы придворные дамы. В груди бы пело от предвкушения того, что должно случиться, от беспокойства и надежды сердце бы сжималось, а щеки краснели.

Ее сестру растили для того, чтобы представить ко двору. И вот что вышло...

Несложно представить себе, что было у сестры на душе.

– Бедняжка... «Лучше бы я тогда отправилась на новогодний пир, а сестрица бы отдохала», – не удержавшись, пробормотала девушка.

* * *

Наконец, они поднялись над землей и двинулись вперед, словно скользя по воздуху. Навес для экипажей в усадьбе тянулся до самого крутого обрыва. Колесница спланировала, чтобы взлететь с обрыва, и, когда выровнялась, девушка снова выглянула в окошко, но уже не смогла увидеть ни возбужденных от радости слуг, ни сестру.

* * *

Еще до того, как солнце поднялось в зенит, показалась центральная гора Тюо.

В стране Ямаути почти нет ровных участков земли. Куда ни глянь – везде только горы. Поэтому в четырех домах – у высшей аристократии – обычно строили усадьбы на вершине самой высокой горы в тех наделах, которые они получили. Вторая дочь Восточного дома, которой почти не доводилось покидать свой уединенный павильон в Восточном доме, думала, что и в доме Сокэ все точно так же. Но там, похоже, все было совсем по-другому.

Все казалось иным, даже высота горы заметно отличалась. Вернее, сама высота, наверное, оставалась примерно такой же, но вокруг все было гораздо ниже и склоны были гораздо круче. Обрывы ощетинились пиками, в нескольких местах низвергались водопады, и, словно сшивая их вместе, между ними на высоких платформах стояли жилища придворных. Все они были великолепны, а горизонтальные и вертикальные подпорки, поддерживающие навесные полы, выглядели будто рощи, замерзшие зимой. Девушку впечатлили галереи, соединяющие дома.

– У господ из дома Сокэ жилища не на платформах. Как думаете, где они живут? – Девушка не слушала до конца рассказов Укоги, поэтому задумалась. – На горе? – ткнула она пальцем в небо.

Укоги не рассердилась: видимо, и она чувствовала возбуждение от того, что впервые за долгое время посетит Тюо.

– Что вы! На вершине обитает горный бог Яагами-сама – защитник нашей страны. Вся территория вокруг пика запретная. Когда-то мы – род ятагарасу – вслед за богом пришли на эти земли. Чтобы прислуживать божеству, наш старейшина, Золотой Ворон, раскопал склон горы и принял решение жить внутри. Вот почему дети Золотого Ворона даже сейчас, после того, как вышли из этой горы, продолжают называть эти земли Ямаути – «Внутри горы».

– Так что, двор находится в горе?

– Именно так. И поэтому такие, как ваш отец, – главы четырех домов, их дети и младшие члены семей – строят дома на склонах гор. Ведь внутренняя часть горы признана обиталищем членов дома Сокэ и местом, где вершится политика.

Пока женщины разговаривали, мужчина, сидевший на ведущем вороне, сообщил, что они скоро придут. Вторая дочь Восточного дома удивилась, пытаясь понять, куда они собираются приземлиться, но тут перед ее глазами появилось большое строение на платформе.

Это были ворота алого цвета. Щель между ними и поверхностью скалы была замазана штукатуркой, и формой все строение ничем не отличалось от ворот в обычной усадьбе, но сильно превосходило их по размеру. Перед воротами стояло несколько летающих колесниц, которые выглядели будто игрушки для праздничного набора кукол, представляющих собой двор правителя.

– Мы там приземлимся?

– Нет, это Оо-мон, «Большие ворота» для чиновников. Ворота дворца Окагу называются воротами Межсезонья – они выше.

Как и было сказано, они еще некоторое время поднимались вверх, и вот наконец показалась площадка несколько меньше, чем Оо-мон. Наверное, это и были ворота Межсезонья.

Видимо, возница был хорош: повозка почти без толчка скользнула на площадку. Когда колеса выровняли ход, девушка выглянула наружу и увидела, как группа нарядно одетых придворных дам движется к экипажу.

Выбравшись из колесницы, Вторая принцесса наконец смогла оглядеть окрестный пейзаж и ахнула от восхищения.

– Красота! Какой большой водопад!

Совсем рядом с воротами со скалы с ревом низвергался водопад. Капли висели в воздухе туманом, и холодный воздух освежал лицо. Вода падала куда-то в глубину: дно ущелья было так далеко внизу, что отсюда оно было почти неразлично, так что можно было представить себе высоту платформы. Вторая дочь Восточного дома вырвалась от Укоги, державшей ее за руку, и подошла к краю платформы, но дама-небо в панике сразу подскочила к девушке.

– Госпожа, держите себя в руках. Придворные дамы из дома Сокэ изумлены вашим поведением.

Девушка спохватилась и прикрыла рот рукавом. Она совсем забыла, что теперь к ее небу добавится несколько дам из дома Сокэ. И действительно, оставшиеся сзади придворные дамы с кривыми улыбками глядели на девушку. Большинство из них под нарядными кимоно носили простые черные одежды. А их волосы, поскольку весь дом Сокэ имел статус служителей горного бога, были ровно обрезаны у плеч.

Девушка проворно вернулась к ним и поклонилась с улыбкой.

– Простите, мне так неловко. Я Вторая дочь главы Восточного дома. А вы ведь придворные дамы из дома Сокэ?

Видно, не ожидав услышать такое безыскусное приветствие, придворная дама постарше, которая стояла впереди, оглядела Вторую дочь Восточного дома несколько более благосклонным взором.

– Я Такимото, прибыла встретить вас по приказу госпожи Фудзинами. Добро пожаловать в Окагу.

– Как поживает госпожа Фудзинами?

Госпожа Фудзинами была младшей дочерью нынешнего правителя и приходилась родной сестрой наследнику престола. Поскольку мать Второй дочери Восточного дома занималась воспитанием Фудзинами, девочки с детства росли вместе.

Суровое лицо Такимото несколько смягчилось, и она кивнула.

– Да, она часто рассказывала о вас. Госпожа пребывает в добром здравии.

– Вот и славно!

– Прошу сюда. Вас ждут, конечно, и дочери других домов, и сама Госпожа в лиловом.

Девушкам из знатных домов, которых представили ко двору, дозволялось появляться во дворце под предлогом прислуживания супруге правителя, его дочерям или знатым дамам дома Сокэ. Старейшину рода называли Золотым Вороном, а его супруга носила официальное имя Алый Ворон, однако среди тех женщин, которые попали во дворец, это имя использовалось редко. Гербом дома Сокэ была свисающая глициния на фоне солнца, и, поскольку лиловый цвет был запрещен для ношения всем, кроме семьи правителя, самую влиятельную женщину обычно называли Госпожой в лиловом.

В глубине площадки стояли великолепно сделанные ворота Межсезонья, с них свисал огромный занавес: на лиловом поле были золотом вышиты цветы сакуры и трехлапый алый ворон, широко раскрывший крылья. Заметив, что Вторая дочь Восточного дома не отрывает глаз от алого ворона, Укоги объяснила:

– Это женские покои, дворец супруги правителя, поэтому здесь герб с изображением алого ворона, но истинная власть во дворце Окагу обычно принадлежит госпоже Сакуре.

– Госпоже Сакуре?

– Да. Это супруга наследника, сына правителя. Поскольку супругу сына правителя не причисляют официально к дому Сокэ, пока сын не взойдет на престол в качестве Золотого Ворона, она носит одежды светло-лилового цвета, уподобляемые лиловым. Их цвет похож на цвет лепестков сакуры, поэтому ее стали называть госпожой Сакурой – так говорят. На гербе женских покоев – Токагу, дворца Глициний, которым управляет Госпожа в лиловом, – изображены цветы глицинии, так что герб с изображением сакуры в стране Ямаути можно увидеть только здесь.

– Вот как. Госпожа Сакура – какое красивое имя...

По обе стороны от ворот стояли – тоже на платформах – здания, соединенные галереями.

– Девушек из Восточного дома из поколения в поколение принято селить в Весеннем павильоне. – Теперь роль проводника взяла на себя шагавшая впереди Такимото. – Южный дом селят в Летнем, Западный – в Осеннем, а Северный – в Зимнем павильоне. Пока не выберут госпожу Сакуру, усадьбу, где живут придворные дамы, которым доверен контроль над всем, называют павильоном Глициний.

– Вот как.

– Только павильон Глициний напрямую соединен с дворцом супруги правителя. Поэтому в названиях обоих зданий есть слово «глициния». Попав ко двору, вы должны выразить там почтение Госпоже в лиловом и госпоже Фудзинами, а потом получить разрешение управлять Весенним павильоном. Вам нужно переодеться, поэтому сначала проследуем туда.

Вслед за Такимото девушка прошла по галерее, расположенной с краю площадки, мимо Летнего павильона, но его хозяйку увидеть не удалось.

В Весенний павильон пока зайти было нельзя, потому что Вторая дочь Восточного дома еще не владела им официально, но ее проводили в устроенный рядом с павильоном тент. Не успела она переодеться и чуть-чуть перевести дух, как появился посланник из павильона Глициний.

– Госпожа в лиловом желает видеть вас.

Рядом судорожно втянула воздух Укоги и с напряженным лицом посмотрела на девушку.

– Вот и настал этот момент, госпожа! Теперь ваша Укоги больше не сможет вам подсказывать. Приветствуйте Госпожу в лиловом, как я вас учила.

– Хорошо. Я знаю, – сказала Вторая принцесса и на секундочку прикрыла глаза.

Теперь уже некому будет сглаживать ее оплошности, если она их допустит.

Она резко подняла голову и кивнула ожидавшей ее придворной даме из дома Сокэ:

– Пойдемте.

Дама, к которой был обращен кивок, низко поклонилась и звонким голосом объявила:

– Госпожа Вторая дочь Восточного дома изволит прибыть ко двору!

Услышав этот голос, все сопровождавшие разом направились к павильону Глициний, а придворная дама из дома Сокэ зашагала вперед по галерее. Галерея была устроена прямо на склоне горы и вела в основной дворец. Вторая дочь Восточного дома прошла между придворными дамами, приподнявшими для нее полог тента, и двинулась следом.

Дул весенний ветерок.

Где-то цвела горная сакура – на досках цвета жженого сахара тут и там попадались ее белые лепестки. Девушка оглянулась: сразу за ней шла Укоги. Позади нее следовали девушки, которым уже минуло двадцать лет, каждая была по-своему наряжена.

Вдалеке послышались голоса, возвещавшие о прибытии во дворец Первой дочери Южного дома. Вторая дочь Восточного дома подняла глаза: там, где галерея немного поднималась из-за большой скалы, были хорошо видны ворота Летнего павильона. Ей удалось, хоть и издалека, разглядеть фигуру, выходящую из глубины тента.

По сравнению с придворной дамой, стоящей перед ней, фигура выглядела довольно высокой. Лица толком было не разглядеть, но гладкие черные волосы и величественная поступь позволяли представить сильную девушку.

Когда молодая особа из Летнего павильона прошла по длинной галерее и вышла на площадку перед павильоном Глициний, из галереи с противоположной стороны показалась еще одна процессия, сопровождавшая следующую девушку.

Видимо, это была госпожа из Осеннего павильона. Она также выглядела величественно, ничуть не уступая хозяйке Летнего павильона. Ростом, правда, она была пониже, однако ее одежды и украшения сопровождавших ее дам сверкали и переливались на солнце. Платье было выткано золотыми и серебряными нитями и даже по сравнению с одеждой придворной дамы из дома Сокэ, которая вела ее, выглядело превосходно. Волосы девушки, распущенные по плечам, казалось, слегка отливали красным.

Девушки из Летнего и Осеннего павильонов встретились как раз перед главным дворцом и одновременно вошли туда. Тихо и спокойно обе процессии исчезали в павильоне Глициний. Когда Вторая дочь Восточного дома, которая оказалась позади госпожи из Летнего павильона, подошла к главному дворцу, она оказалась лицом к лицу с хозяйкой Зимнего павильона.

Впервые увидев так близко дочь другого дома, Вторая дочь Восточного дома открыла глаза чуть шире обычного.

Девушка из Северного дома оказалась маленькой, стройной и очень миленькой. Ее тонкие черные волосы, тщательно расчесанные, были аккуратно подрезаны. Глаза с чуть опущенными уголками выглядели очень мило на крохотном личике, обрамленном волосами цвета эбенового дерева.

Но прекраснее всего была ее дивная кожа. Словно никогда в жизни не видевшая лучика солнца, она выглядела чудесно. Дочь Северного дома пристально посмотрела на Вторую дочь Восточного дома, которая даже оторопела от этой режущей глаза белизны, а затем резко отвернулась. Испугавшись, что отстанет, девушка быстро нагнала дочь Северного дома, и бок о бок они вошли во дворец.

Невероятно. Какая она красавица!

Вторая дочь Восточного дома, смущенная, краем глаза поглядывала на чопорно вышгивавшую девушку из Северного дома. На ком-либо другом одежды, основным тоном которых был белый, смотрелись бы холодно, но на этой девушке, подчеркивая ее чистоту, этот наряд выглядел очень уместно.

Пока Вторая дочь Восточного дома рассматривала остальных, нарядная группа дошла до залы главного дворца. Это было просторное, вытянутое в длину помещение с дощатым полом. Процессии из Летнего и Осеннего павильонов уже расселись по обе стороны залы. Дочери Южного и Западного домов уселись в середине спиной к саду, так, что остальные придворные

дамы сидели лицом друг к другу. После них, как ее научили, села Вторая дочь Восточного дома – по левую руку от дочери Южного дома, справа от девушек из Северного и Западного домов.

Прислушиваясь к тому, как сопровождавшие придворные дамы усаживались одна за другой, Вторая дочь Восточного дома смотрела прямо перед собой. Из-за бамбуковых занавесей над почетным местом раздавался тихий шорох одежд – там находилась Госпожа в лиловом. А еще Фудзинами, с которой они воспитывались в детстве, как подружки. «Ой, как хочется услышать ее голос», – с надеждой ждала Вторая дочь Восточного дома, но заговорила Тахимото: за церемониальным приветствием последовала поздравительная речь. Торжественно завершив свое поздравление словами «Пусть в этот чудесный день пребудет с вами благословение горного бога», Тахимото продолжила обычным тоном:

– Имейте в виду, что во дворце Окагу девушки, которые без позволения вышли куда-то или без позволения привели к себе кого-то извне, будут строго наказаны, невзирая на свое высокое положение. Посещение дворца мужчинами разрешается только в павильоне Глициний и только в тех случаях, когда мужчины происходят из дома Сокэ или являются представителями гвардии Ямаути-сю, которые осуществляют охрану и прибыли для визита к Госпоже в лиловом или к госпоже Фудзинами. Кроме того, связываться с внешним миром дозволено только через павильон Глициний. Если возникает необходимость выйти наружу, прошу воспользоваться сопровождением дам, приставленных к вам домом Сокэ.

Тахимото изящно поклонилась и села рядом с почетным местом. Дальше церемония шла своим ходом, и настал момент, когда Госпожа в лиловом должна была вручать каждой из четырех девушек ключи от четырех усадеб.

– Дочь Южного дома!

Вызванная девушка проворно отозвалась. Двигалась она бодро и резко, по-мужски. Черты ее лица тоже были резкими. Грудь и бедра этой красивой, уверенной в себе девушки были пышными, ноги и руки – стройными, но она совершенно не казалась кокеткой.

– Первая дочь главы Южного дома, Хамаю ³.

– Наслышана о тебе. Когда-то Летний павильон был моим. Это хороший дом, позаботься о нем.

– Повинуюсь.

Придворная дама, подчиненная Тахимото, приняла из-за занавесок ключ и передала его Хамаю. Подождав, пока Хамаю примет ключ и вернется на свое место, Госпожа в лиловом вызвала дочь Западного дома.

Прозвучавшее «Я!» было каким-то чувственным. Вторая дочь Восточного дома, уголком глаза следя за грациозными движениями девушки, невольно ахнула про себя: «Красавица». Она подумала, что никогда еще не видела такой неотразимой девушки. Дочь Северного дома и Хамаю тоже были хороши, но эта красота была совершенно иного уровня. Блестящими волнами струились черные волосы, отливающие красноватым блеском, очаровательная розовая кожа,

казалось, источала благоухание. Когда она делала шаг, ее движения были так прекрасны, что становилось не по себе. Свежие губки были подобны сладким, спелым ягодам.

– Старшая дочь главы Западного дома, Масухо-но-сусуки. Я очень рада возможности встретиться с Вами.

Госпожа в лиловом высокомерно молчала и в ответ сказала лишь:

– Позаботься об Осеннем павильоне... Дочь Северного дома! – продолжила она.

– Я! – Девушка из Северного дома, видимо, от волнения ответила очень тихо, соответственно своей внешности. – Третья дочь главы Северного дома, меня зовут Сиратама.

³ Представляясь, девушки сообщают не только свой статус («первая дочь»), но и домашние имена.

Пробормотав «Сиратама, значит», будто ей больше и нечего было сказать, Госпожа в лиловом только попросила девушку заботиться о Зимнем павильоне.

– Дочь Восточного дома.

– Ой, я!

Вот и ее очередь. Девушка, следя, чтобы голос не дрожал, старалась говорить ясно и отчетливо:

– Вторая дочь главы Восточного дома. Большая честь познакомиться с Вами.

Воцарилось долгое молчание, как будто все смотрели только на нее. Вторая дочь Восточного дома вздрогнула.

Она повторила в голове сказанное – может быть, опять повела себя невежливо? – но убедилась, что все в порядке. Однако Госпожа в лиловом молчала.

– Простите?..

Потеряв терпение, Вторая дочь Восточного дома робко подала голос, и из-за занавеса наконец ответили:

– У тебя что, прозвища нет? Вторая дочь Восточного дома – скучновато. Кажется, я слышала имя Футаба.

Прозвище – это имя, которое используют вместо настоящего имени. Настоящее имя обычно говорят только мужу при бракосочетании, поэтому тем, кто служит при дворе, прозвище иметь обязательно. Футабу готовили для того, чтобы представить ко двору, поэтому ей дали прозвище, но Вторая дочь Восточного дома, тихонько росшая в отдельном здании, такого не получила.

– Простите, Футаба – моя старшая сестрица, она внезапно заболела, поэтому вместо нее я, младшая...

– Ну, хватит, – прервали ее, и Вторая дочь Восточного дома покраснела, оттого что не умела красиво говорить. Однако не похоже, чтобы Госпожу в лиловом это рассердило. Она хлопнула в ладоши:

– Будешь Асэби ⁴, как тебе? С надеждой на карьеру Восточного дома.

Тут же отовсюду послышались вздохи и шепот.

– Что, не нравится?

Девушка не поняла, что ей сказали, и растерянно застыла, но потом сообразила, что ей дали прозвище, и даже подпрыгнула на месте.

– Что Вы, что Вы, как можно, такая честь! Это слишком для меня!

– Что ж, тогда решено. Асэби. Ну, доверь тебе Весенний павильон?

Асэби – теперь это будет ее имя здесь.

Ошеломленная неожиданной удачей, Асэби приняла от придворной дамы ключ на подносе. В тот же момент изысканный аромат внезапно стал сильнее, и ее мысли перескочили на тех, кто был за занавесом.

* * *

– Сестрица!

Асэби, выйдя после окончания церемонии приветствия из главного дворца, обернулась на оживленный голос.

– Ах, госпожа Фудзинами! Как я рада, что вы в добром здравии!

– И ты, сестрица! Я и не думала, что доведется встретиться с тобой здесь.

Бросив сопровождающих, Фудзинами радостно подбежала к подруге. Госпоже Фудзинами только минуло двенадцать. Она была одета в темно-лиловое кимоно, совершенно непод-

⁴ Пиерис японский, декоративный ядовитый кустарник с красивыми белыми цветами.

ходящее к ее невинному личику, мягкие волосы были убраны красным шнурком, завязанным в форме цветка.

Фудзинами тоже внимательно взглянула на Асэби, а потом вздохнула.

– Как же я рада, что мы встретились. Про тебя всегда говорили, что ты вырастешь и станешь красавицей, и я так хотела увидеть твою красоту...

– Мою? – Асэби печально улыбнулась и покачала головой. – Спасибо. Но не стоит, я прекрасно знаю, что выгляжу хуже всех.

В Окагу она постоянно чувствовала, что другие девушки превосходят ее. Но Фудзинами сердито поджала губки.

– Я не лщу тебе. Конечно, и остальные три девушки красивые. – Произнося эти слова, она, наверное, вспомнила только что произошедшее. Восхищенно прикрыв глаза, Фудзинами прошептала, словно охваченная жаром: – По дощатому полу раскинулись узорчатые одежды. Цветы на ткани только что не источали аромат. Словно богини четырех времен года ненадолго спустились к нам с небес...

Она озорно засмеялась и добавила:

– А все равно ты, сестрица, была самая красивая! Ах, вот бы ты и правда могла быть моей старшей сестрой. Как это было бы замечательно!

При этой мысли она расплылась в улыбке, но тут же нахмурилась и посмотрела снизу вверх, будто желая проверить реакцию Асэби.

– Ох, ты такую ужасную вещь сделала. Кажется, Госпожа в лиловом была недовольна.

Асэби склонила голову, не понимая, о чем она.

– Так ведь Госпожа в лиловом одарила меня милостью. Даже имя дала – Асэби! Надо же, какое прекрасное имя мне удалось заполучить!

– Что?! – Фудзинами раскрыла рот. Асэби почувствовала, что молчавшая после выхода из дворца Укоги вздрогнула и сжалась. Что-то не так. Пока девушка озадаченно смотрела на застывшие лица обеих, в спину ей ударил мощный смех.

– Радоваться имени Асэби? Ты и впрямь деревенщина.

Асэби с удивлением оглянулась, и первое, что бросилось ей в глаза, был редкий для женщины рост девушки, которая стояла сзади.

– Госпожа Хамаю из Летнего павильона?

– Можешь называть меня просто Хамаю. Что ж, мы с тобой в одной компании. Будем знакомы. – Хамаю, глухо посмеиваясь, нагло встала перед Асэби.

– «Асэби» пишут иероглифами «дерево, от которого кони пьянеют». А знаешь почему?

Асэби удивленно сказала, что не знает.

– В этих цветах яд. Если глупый конь его съест, тут же опьянеет. Госпожа в лиловом, стало быть, высказала свое недовольство молодым господином.

Асэби не понимала, что Хамаю имеет в виду, и только растерянно оглядывалась. Рядом с недовольным лицом стояла Фудзинами.

– Если хочешь что-то сказать, говори прямо. – И голос, и выражение лица Фудзинами изменились.

– Что, Ваше Высочество? Не нравится, когда оскорбляют любимого братца?

Фудзинами вдруг побледнела, услышав насмешливые слова.

– Госпожа из Летнего павильона, есть вещи, которые можно говорить, и есть те, которые говорить нельзя!

– Ты не должна на меня сердиться. Если хочешь развеяться, поищи кого другого! Впрочем, из «других» осталась только Ее Величество супруга правителя, – рассмеялась Хамаю.

Фудзинами покраснела от злости, но, не сумев ничего ответить, ушла в павильон Глициний.

– Госпожа Фудзинами!

– Оставь ее, Асэби. Девчонка не умеет держать себя в руках. И это дочь правителя? Курам на смех!

Асэби была расстроена и укоризненно посмотрела на Хамаю. Та никак не отреагировала и спокойно оперлась на перила.

– Понимаешь, сын нынешнего правителя – политический враг Госпожи в лиловом. Таким образом она сказала тебе: «Он не выше коня по положению, наверняка опьянится страстью к тебе, так что делай с ним что хочешь». В общем, шутливо подбодрила тебя.

– Не выше коня по положению?

– Это про молодого господина.

Больше не в силах выносить несообразительность Асэби, Укоги сказала низким голосом:

– Госпожа, изредка бывают случаи, когда человека, низкого по происхождению, в поте лица зарабатывающего себе на жизнь, презрительно называют «конем». Это не очень хорошее слово, и люди благородные избегают им пользоваться.

– По-моему, ты на что-то намекаешь. Впрочем, мне все равно. – Хамаю с усмешкой снова повернулась к Асэби. – Но если ты и этого не знаешь, значит, ты совсем наивная простушка.

– Я никогда не покидала моих покоев в Восточном доме.

Вытаращив глаза, Хамаю оторвалась от перил.

– У меня всегда было слабое здоровье... С мужчинами тоже почти не общалась. Да и с нынешним представлением ко двору все решилось так внезапно.

– Что за глупости! Ты, наверное, шутишь.

– Я говорю правду.

Укоги, которой, видимо, не понравилась реакция Хамаю, холодно заметила:

– Госпожу с детства растили так, чтобы она не подвергалась воздействию открытого воздуха. Она выходила только в основную усадьбу или в ближайшие горы, чтобы полюбоваться сакурой.

Хамаю в замешательстве коснулась лба рукой:

– То есть из всех людей вы решили представить ко двору девушку, которая даже не получила образования?! Ничего более абсурдного не слышала. На что только рассчитывает твой отец?!

Асэби, вспомнив отца и его «возвращайся скорее», серьезно ответила:

– Думаю, ни на что.

Она сказала это совершенно искренне, но Хамаю не обратила на это внимания.

– Слышала я, что в Восточном доме живут коварные хитрецы. Наверное, это какой-то глубокий замысел. Возможно, собираются поставить на другого фаворита.

Асэби переспросила, что такое «фаворит», и Хамаю многозначительно сказала:

– Я говорю про старшего сына дома Сокэ. Ты и этого не знаешь? Сын нынешнего правителя – второй сын, к тому же побочный. У Госпожи в лиловом был родной сын, но его заставили отречься.

– Несмотря на то, что он старший сын официальной супруги?

– Да. Я слышала, так принято издавна. Ведь говорят, что этот молодой господин – Истинный Золотой Ворон.

Истинный. Эти слова странным образом задели Асэби, и она умолкла. Хамаю же продолжала болтать, ничего не замечая:

– Госпожа в лиловом – из Южного дома. И недовольные тем, что власть сосредоточилась у нас, отстранили ее от трона наследника. Сейчас-то все успокоилось, но многие до сих пор втайне верны прежнему наследнику. Говорят, что нынешний – незрелый дурачок.

– Так уезжай отсюда поскорее! Здесь тебя никто не будет удерживать!

Асэби вздрогнула от внезапно прозвучавшего звонкого голоса.

– Э-э... вы госпожа Масухо-но-сусуки?

– И тебе здравствовать, Асэби. Попалась этой злодейке? Мои соболезнования. – Улыбаясь только губами, Масухо-но-сусуки злобно посмотрела на Хамаю.

– И как это тебе удастся говорить столько гадостей о том, кто, возможно, станет твоим супругом? Если ты так его ненавидишь, не надо было приезжать во дворец.

Хамаю дерзко рассмеялась:

– Глупая! Разве я сказала, что ненавижу его? Пусть он дурачок, но я его люблю.

– А может быть, ты любишь его положение?

– Да ты сама все понимаешь. Женщины из Южного дома все такие. В отличие от обольстительниц из Западного.

Масухо-но-сусуки ответила на смех Хамаю холодным взглядом. На мгновение показалось, что между девушками сверкнули искры.

– А я так ждала этой встречи. Жаль, нам вряд ли удастся подружиться с тобой, госпожа из Летнего павильона.

– Мне тоже жаль, госпожа из Осеннего павильона. Мне не нравятся расфуфыренные девицы.

Придворные дамы за спиной Масухо-но-сусуки зароптали от такой наглости:

– Вы знаете, кто это? Уж извините, но это старшая дочь Западного дома...

Хамаю прервала слова дам, будто они ей надоели:

– А я – старшая дочь Южного дома. И кто из нас неправильно понял ситуацию? Молчали бы, мелкие сошки!

С этими резкими словами Хамаю повернулась прямо к Масухо-но-сусуки:

– Можешь смотреть и завидовать. Пусть ты и держишь в руках Его Высочество наследника престола, но в конце концов все решает могущество дома. Твоя красота тут ничем не поможет.

Масухо-но-сусуки с изящной улыбкой ответила без стеснения хохотавшей Хамаю:

– Возвращаю тебе твои слова. Никто из людей Тюо не забыл, что в результате сделал Его Величество нынешний правитель. Буду от всей души молиться, чтобы с тобой не случилось то же, что с Госпожой в лиловом.

– Ах, какая заботливая! – фыркнула Хамаю и, подобрав длинный подол, повернулась к дамам: – Меня тошнит. Уходим.

Придворные дамы, сопровождавшие Хамаю и до сих пор не сказавшие ни слова, так же молча последовали за ней. Даже их шаги звучали громко, пока они следовали к своему павильону. Масухо-но-сусуки фыркнула им вслед:

– Южный дом только вид такой делает, а на самом деле нет у них никакой власти. Занервничали, потому что Западный дом обрел силу.

Асэби не ожидала такой резкой отповеди и неловко повернулась, услышав слова Масухо-но-сусуки:

– Занервничали?

– Да. С Госпожой в лиловом уже покончено.

После этого она вдруг улыбнулась и склонилась перед Асэби в поклоне:

– Простите, что сразу не представилась. Буду очень рада с вами подружиться. Надеюсь, между нами не возникнет никаких недоразумений.

Асэби от этой улыбки почувствовала сильное возбуждение.

– Конечно. Надеюсь и на ваше расположение. И что не поставлю вас в неловкое положение своей неопытностью.

Масухо-но-сусуки радостно улыбалась ее бессвязным речам.

– Вы очень милая, как я и думала. Мне нравится все красивое и изящное.

Асэби пробормотала что-то невнятное и отвела глаза. Но Масухо-но-сусуки, не замечая ее замешательства, приподняла тонкие, будто ивовые ветви, брови:

– Но эта неженственная девица из Южного дома – что за поведение?! Вам не кажется, что это так неизящно? Я уж не говорю о ее внешности, но с таким характером... По-моему, ее ни за что не возьмут во дворец.

Она сделала паузу и громко, манерно засмеялась.

– Впрочем, какой бы ни была эта Хамаю, супругой Его Высочества буду я, так что мне все равно. Да, Сиратама?

– Ах, конечно, – ответил ей равнодушный голос, и Асэби только сейчас заметила, что за Масухо-но-сусуки прячется дочь из Северного дома.

– Госпожа Сиратама! – от неожиданности громко выкрикнула Асэби.

Та недовольно нахмурилась и закрылась веером. Масухо-но-сусуки рассмеялась и дотронулась до ее щеки.

– Сиратама у нас такая застенчивая! Даже парадную одежду выбрала вон какую скромную. Происхождение у нее неплохое, но она несколько простовата. Я поделюсь с тобой нарядами, можешь примерить. Тогда нас с тобой не различат.

Действительно, наряд у нее был роскошный: на парчовой накидке золотыми нитями вышиты бабочки и цветы, темно-красный цвет кимоно сменялся более светлым оттенком от верхнего слоя к нижнему, так что выглядела она обворожительно, словно пион, принявший человеческий облик. Украшения на венце с драгоценными камнями слегка позвякивали, словно льдинки, создавая ощущение прохлады.

«Но ведь... – подумала Асэби, – но ведь этот наряд не подойдет Сиратаме».

Например, на Хамаю была накидка, где по ткани насыщенного синего, как у ириса, цвета шел золотой узор, изображающий текущую воду. На первый взгляд узор казался дерзким, но Хамаю он шел, так как она с уверенностью носила свой наряд. Она, похоже, и сама это понимала. Асэби тоже выбрала для этого дня наряд, соответствующий ее характеру и внешности: алый сначала показался ей слишком ярким, слишком детским, но ее волосы были бледноваты, поэтому она решила, что этот цвет как раз подойдет. Вот и Сиратама наверняка точно так же сама ломала голову над тем, какое кимоно выбрать.

Однако неожиданно для Асэби, которая ожидала решительного отказа, Сиратама послушно поблагодарила подругу. На миг Асэби неприятно удивилась, однако при звуке звонкого голоса Масухо-но-сусуки это чувство развеялось, не успев оформиться.

– Ах, как же это я! Чуть не забыла о самом главном! Я ведь пришла, чтобы преподнести вам подарок в честь нашего знакомства! Кикуно! Подай! – важно произнесла она, и придворная дама, которую перед этим Хамаю назвала мелкой сошкой, вышла вперед. Она протягивала красный шелк, такой же, из которого был сшит наряд Масухо-но-сусуки.

– Это шелк, окрашенный цезальпинией⁵, который со всем старанием изготовили мастера нашей земли. Это очень ценный цвет, пользоваться которым позволил нам дух старой камелии, проживший на западных землях многие тысячи лет. Эту ткань специально вышили нитью волшебной паучихи Дзёрогумо. Полюбуйтесь, как прекрасен этот узор из цветов сакуры!

Нечего и сказать, вышивка серебряными нитями была великолепна.

– Сушая безделица, но вы уж примите этот подарок.

– Вот этот?! – в ответ на слова Масухо-но-сусуки растерянно переспросила не Асэби, а Укоги.

– А какой же еще? – рассмеялась Масухо-но-сусуки.

Укоги робко, дрожащими руками приняла подарок вместо хозяйки, но потом она так и застыла с вытянутыми руками.

⁵ Древесина некоторых видов цезальпинии использовалась для получения красителя.

Асэби не знала ценности подарка, но по состоянию Укоги догадалась, что вещь очень хорошая. Она попыталась было поблагодарить Масухо-но-сусуки, но та просто светилась от счастья.

– Я и Сиратаме такую же подарила. А еще у вас такие красивые волосы – пусть и не такие, как мои. Думаю, их будет красиво оттенять этот цвет.

Асэби открыла рот, пытаясь что-то сказать, но вдруг почувствовала страшную усталость.

– Ничего, не волнуйтесь. У меня такого добра хоть метлой мети. Отец перед самым моим отъездом во дворец принес и оставил. Впрочем, он всегда так. Когда ты слишком красива, тоже не очень удобно, – чуть нахмурилась Масухо-но-сусуки. Впрочем, даже это не испортило ее красоту.

– Госпожа, пора переодеваться!

– Ах, и правда! Прошу простить меня. – И Масухо-но-сусуки, оставив за собой эхо громкого смеха, унеслась, будто на крыльях ветра – хоть и не так, как Хамаю. Асэби и Сиратама проводили взглядом блестящую процессию, следующую за девушкой.

– Она, конечно, красавица...

«Но уж слишком... как бы это сказать... подавляет». – Слова не были произнесены, но в целом было понятно. Из-за веера выглянул темный, почти черный глаз, слегка изумленный.

– Как можно быть такой беспечной?

Асэби взглянула на девушку, и та как будто немного сердито посмотрела на нее в ответ.

– Наверное, считает, что у нас нет шансов стать официальными супругами молодого господина. Не видит в нас соперниц.

Только сейчас, при этих словах, Асэби потрясла догадка: все думают, что она приехала на равных сражаться с остальными тремя.

– Я и забыла...

– Забыла?

Голос Сиратамы прозвучал слишком громко, и Асэби спохватилась:

– Я ведь не получила такого хорошего воспитания, как вы, госпожа Сиратама... Я хотела сказать, что не могу соперничать с вами.

Асэби растерянно говорила что-то бессвязное, и взгляд Сиратамы становился все холоднее.

– Допустим, ты просто приехала представлять восточные земли. Может быть, тебе нужна более соответствующая этому твердость характера? – Бросив это, Сиратама тоже ушла в свой павильон.

Старуха, следовавшая за ней, бросила на Асэби укоризненный взгляд, и та поняла, что сделала что-то не то.

– Госпожа!

Услышав смущенный голос, Асэби поникла, словно растеряв все силы.

– Укоги, я ничего не понимаю, – сказала она с несчастным видом.

Укоги прикусила губу и почему-то выглядела раздосадованной.

– Это я виновата. Нужно было лучше объяснить вам, как обстоят дела.

Затем она сказала, что сначала нужно переодеться, и они прошли по галерее в Весенний павильон. Асэби официально получила ключ, поэтому они могли свободно зайти внутрь.

Внутри павильон оказался опрятнее, чем можно было предположить, и, как ни странно, обстановка походила на усадьбу в восточных землях: небрежно расставленная дорогая мебель и все вокруг напоминали о доме. Правда, там, где должны были быть стены, почему-то везде находились раздвижные двери. Женщины открыли одну и выглянули наружу: вид красивый. Наверное, в теплое время года эти двери можно не закрывать – вот будет приятно! Оглядывая просторный павильон, Асэби переделась и впервые с тех пор, как прибыла сюда, смогла пере-

вести дух. Укоги принесла ей плетенку для сидения и сама села лицом к удобно устроившейся госпоже.

– Итак, госпожа Асэби. Выражаю вам свою радость по поводу того, что вы без помех были представлены ко двору.

– Спасибо... Или так простенько нельзя поблагодарить?

Не скажешь, что совсем без помех. Укоги низко поклонилась:

– Дочери других домов выглядят очень грозно, правда? Видимо, каждая думает про себя: «Уж я-то!..» Так происходит во все времена, во всех поколениях. Честно говоря, я подумала, что «подружиться», как изволил говорить ваш отец, с ними не получится.

Асэби вспомнила, что привлекло ее внимание в словах Хамаю:

– А что значит «компания»? Госпожа Хамаю сказала, что мы с ней в одной компании и должны держаться друг друга, помните?

– Да-да, – с едва заметной неприязнью пробормотала Укоги и взглядом подала знак одной из находившихся позади дам. – Пожалуй, это будет легче понять, если вы взглянете сюда.

Дама-нёбо развернула свиток с изображением генеалогии дома Сокэ и четырех других родов. Если смотреть по порядку сверху, сразу было видно, что супругами правителя гораздо чаще становились девушки из Южного дома. Следующим шел Западный, а девушек из Восточного и Северного домов можно было пересчитать по пальцам.

– У нынешнего правителя, Его Величества Золотого Ворона, всего две супруги. Госпожа в лиловом, которую мы только что видели, – официальная супруга, то есть Алый Ворон, она из Южного дома.

«Южный дом. То есть дом Хамаю».

Ткнув веером в уголок генеалогического древа, Укоги посмотрела на Асэби:

– У Госпожи в лиловом и нынешнего правителя родился лишь один ребенок. Это бывший наследник престола – старший брат молодого господина. Он настоящий старший сын дома Сокэ по прямой линии. Пока все понятно?

Асэби, пытаясь уложить в голове связи между людьми, несколько раз кивнула:

– Да.

– Тогда расскажу про вторую супругу. Это родная мать хорошо известной вам госпожи Фудзинами. Она была наложницей правителя, но родила двоих детей.

– Госпожу Фудзинами и нынешнего молодого господина?

– Верно. Матушка молодого господина и госпожи Фудзинами – из Западного дома.

– Из Западного...

Это дом Масухо-но-сусуки.

– Около десяти лет назад между сторонниками Южного дома, который поддерживает старшего наследника, и сторонниками Западного, который отстаивает права молодого господина, разгорелась политическая борьба. Остальные два дома из четырех должны были решить, на чьей стороне они будут выступать. Тех, кто возмущен многолетней тиранией Южного рода, немало. Дело в том, что Южный дом, пользуясь своим положением родственников по материнской линии, захватил себе много привилегий, начиная с права монопольной торговли с родом тэнгу. Северный дом принял сторону Западного. В результате молодой господин отобрал трон у старшего брата – наследника престола. Все стали думать, что теперь Восточный дом наверняка тоже поддержит Западный...

На этом месте у Асэби возникло неприятное предчувствие. Если говорить о времени, когда все это происходило, велика вероятность, что в то время Восточным домом должен был управлять человек, к которому она имеет отношение. Причем самое прямое.

– Не может быть...

– Да. Ваш отец не примкнул к Западному дому.

Отец... Асэби вдруг поникла.

– Но почему он так поступил? – спросила она слабым голосом.

Укоги в ответ невесело рассмеялась и устало ответила:

– Судя по всему, пока он пытался уклониться от смуты и оттягивал решение, все пришли к мнению, что он собирался поддержать Южный дом. На самом деле он, видимо, хотел сохранить нейтралитет, но вдруг оказалось, что расстановка сил завершена и Южный дом вместе с Восточным противостоят Западному и Северному.

Так вот о какой компании говорила Хамаю. Укоги неодобрительно продолжала:

– Хозяин всегда говорил, что он ничего такого не замышлял, поэтому глава Южного дома тоже сохранил не очень хорошие воспоминания...

Асэби опять осознала смысл слов Хамаю.

– Вот почему «Восточный дом – коварные хитрецы»?

– Так говорят.

Асэби с Укоги некоторое время смотрели друг на друга, и Асэби вдруг почувствовала, что вот-вот расплачется.

– Я хочу домой.

– Не поддавайтесь слабости! Что бы там ни было, силы, стоящие за старшим братом и за молодым господином, начали борьбу. Оба дома решили, что самым действенным средством, которое сможет помочь всем выйти из кризиса, будет нынешнее представление ко двору. Нет сомнений, что дом той девушки, которая станет супругой молодого господина – нового Золотого Ворона, – в следующем поколении обретет политическую власть. Эти два дома прислали госпожу Хамаю и госпожу Масухо-но-сусуки, доверив им судьбы семей.

– Вполне понятно, – вздохнула Асэби. – Ничего удивительного, что они не видят во мне соперницы.

Теперь, выслушав рассказ, она поняла, почему девушки так держали себя с ней. Укоги гневно взглянула на помрачневшую Асэби:

– Ничего подобного! С точки зрения положения семей все четыре девушки равны. Сейчас Северный дом, приславший госпожу Сиратаму, всерьез рассчитывает сделать ее супругой правителя. Пусть из этой семьи их до сих пор вышло немного, но Северный дом обладает самой большой военной мощью в стране Ямаути. И если госпожа Сиратама станет супругой наследника, расстановка политических сил наверняка изменится.

С другой стороны: избрание в качестве Сакуры-но-кими будет иметь для девушки огромное значение. В случае, если Асэби станет супругой наследника, даже Восточный дом наверняка обретет огромную силу. Асэби совершенно не нужно скромничать и принижать себя. Наоборот, нужно подумать о семье и приложить все силы, чтобы стать супругой молодого господина, – горячо убеждала девушку Укоги. – До сих пор Южный и Западный дома слишком активно лезли в чужие дела. Сколько раз дочери Восточного рода пытались занять это место, однако каждый раз им грубо мешали...

Асэби даже побледнела, увидев, что Укоги рассказывает об этом, чуть не скрежеща зубами. Такой она Укоги не видела с тех пор, как одна украдкой ходила смотреть на сакуру.

Укоги, воодушевившись, надвинулась на невольно отшатнувшуюся под ее напором Асэби:

– С моей стороны, конечно, это самонадеянно, но ваша Укоги возлагает на свою госпожу большие надежды. В восточных землях немало таких, кто затаив дыхание следит за тем, займет ли госпожа это вожаемое место.

Асэби неохотно кивнула и попыталась отодвинуться от Укоги, но та, словно не замечая этого, схватила девушку за плечи и наклонилась к ее лицу:

– Не беспокойтесь! Укоги приложит все силы, чтобы вас защитить. Моя хозяйка наверняка завоюет расположение молодого господина.

«Защитить – это хорошо, – подумала Асэби про себя. – Но как бы не погибнуть еще раньше от ее руки, обещающей эту защиту. Плечи-то вон как болят».

Наступило утро.

Вечером, сказавшись усталой, Асэби легла пораньше, но из-за возбуждения долго не могла уснуть. Теперь она медленно выбиралась из постели, протирая заспанные глаза, и все утро Укоги не переставала ее бранить.

Пройдя церемонию очищения, они вернулись в Весенний павильон и там принялись за завтрак.

Завтрак был легким: каша из вареных бобов да маринованные овощи. После этого пришло время заняться наведением красоты. Девушке расчесали волосы, нанесли белила, добавили румян. Асэби никогда не была смуглой. Пусть ей не сравниться с Сиратамой, но порозовевшая после умывания холодной водой кожа была мягкой и гладкой, так что лучше и желать нельзя. Было даже жалко наносить на эти щеки белила, так что их разбавили как можно сильнее.

Когда туалет окончили, пришла посланница из Осеннего павильона: Асэби приглашали на небольшую чайную церемонию, и девушка отправила в ответ свое согласие.

Во дворце Окагу есть ворота между галереями, которые соединяют павильоны. Ворота, ведущие от павильона Глициний к Весеннему и Летнему павильонам, называют воротами Весны и Лета, а ворота, ведущие к Осеннему и Зимнему павильонам, – воротами Осени и Зимы. Асэби прошла через эти ворота, и через некоторое время впереди показался Осенний павильон. Оттуда доносился оживленный смех. Укоги отправила вперед одну из дам, та сообщила о прибытии Асэби, и ей передали, что они могут войти.

Осенний павильон совершенно не походил на Весенний по своему замыслу. В отличие от Весеннего павильона, где ощущалась теплота дерева, в Осеннем все – и навес, и колонны, и балки – было покрыто черным лаком. На шелковых перегородках и развешанных для украшения нарядных кимоно перекликался узор из цветов цезальпинии, а вышитые на тканях бесчисленные золотые цветы и гравировка на мебели ослепляли.

– Восхитительно!

– Ах, просто вульгарные привычки, – тихонько прошептала Укоги в ответ на искренний вздох восхищения и слова, вырвавшиеся у Асэби.

Пожалуй, да, здесь хватило бы одной лишней детали, чтобы нарушить гармонию. Однако же оттеняющий белые стены черный цвет, алые и золотые краски Осеннего павильона выглядели утонченно. Асэби показалось, что назвать это вульгарным, пожалуй, будет некоторым преувеличением.

Следуя за провожатой внутрь покоев, Асэби оказалась в уголке, где сидели как придется придворные дамы в ярких кимоно. За приоткрытой дверью виднелся клен с еще ненабухшими, твердыми почками. Как здесь, наверное, красиво осенью, когда все двери открыты и можно любоваться алыми листьями!

– Добро пожаловать, Асэби. Садись, – с почетного места обратилась к ней хозяйка павильона, Масухо-но-сусуки.

Она в свободной позе устроилась на сиденье и в многослойных розовых одеждах выглядела очаровательно.

Асэби поблагодарила ее за приглашение и огляделась. Сиратама уже прибыла, а вот Хамаю видно не было. Возможно, ее не позвали, а возможно, она сама не захотела прийти – похоже, на сегодняшней встрече ее не будет.

Увидев перед девушками жаровню и почувствовав мягкий аромат, Асэби поняла, что они воскуряли благовония. Кикуно, заметив взгляд Асэби, улыбнулась:

– Ничего особенного, просто развлекаемся, смешивая благовония. Госпожа Масухо-но-сусуки заинтересовалась смесями, которые привезла с собой госпожа из Зимнего павильона.

– Конечно, я с такими ароматами незнакома! – Масухо-но-сусуки обмахивалась веером: видимо, аромат был слишком силен.

При виде этого сопровождавшая Сиратаму старуха изобразила притворно вежливую улыбку:

– Эти благовония много веков составляются в Северном доме по тайному рецепту.

– Это напоминает смесь благовоний «Куробо», так что состав примерно понятен, – отмахнулась Масухо-но-сусуки, и улыбка сошла с лица пожилой дамы-нёбо.

Кикуно торжествующе ухмыльнулась, а Масухо-но-сусуки отодвинулась от жаровни, словно потеряв к игре интерес.

– Свои благовония я составляю сама. Как вам? – спросила она с улыбкой.

Сиратама ответила с каменным лицом:

– Мне кажется, запах мускуса слишком силен. В целом похоже на жасмин, а что это?

Масухо-но-сусуки обрадовалась:

– Вы прекрасно разбираетесь! Это смесь тэйкэй – «прибрежных шипов» – и кисо – «желтой пары». Чтобы получить этот сладкий аромат, нужно при смешивании соблюдать строгие пропорции.

Кикуно хвастливо подхватила:

– Тэйкэй добывают из цветов терна, выросшего на спине белой водяной змеи. Кисо делается из глаз дрозда, которого с рождения поили только чистой водой. Из трех драгоценных благовоний страны Ямаути мы можем позволить себе использовать эти два без ограничений. – Она надулась от гордости. – Оба можно найти только в западных землях.

За спиной у Асэби Укоги утомленно вздохнула, но Масухо-но-сусуки вряд ли услышала ее. Очень довольная, она повернулась к Асэби.

– Ну? А какие благовония у тебя, Асэби-но-кими?

– Что? – Асэби до сих пор рассеянно следила за беседой, поэтому теперь захлопала глазами. Укоги, спохватившись, попыталась принять приличный вид, но поздно. Асэби были известны только те благовония, которые ей составляла Укоги. Точно она не знала, но вряд ли это было что-то выдающееся, изготавливавшееся по секретному рецепту восточных земель.

– Ах, простите, я в этом особо не разбираюсь.

– В чем – в этом?

– Я, наверное, дорогими благовониями – гвоздикой или мускусом – и не пользовалась никогда. Да и смешиванием никогда не занималась.

Потрясенная Масухо-но-сусуки заявила, что это, должно быть, шутка.

– Неужели восточный дом не может себе этого позволить?

– Прошу прощения! – громко вмешалась Укоги, видимо, не выдержав презрительных взглядов.

– Благовония госпожи благородные, секрет их изготовления передается из поколения в поколение. Полагаю, госпожа просто не задумывалась об этом, так как привыкла ими пользоваться.

– Но как же она ни разу не занималась смешиванием благовоний?

– Это странно для девушки из благородного дома Воронов! – перешептывались придворные дамы из Осеннего павильона.

Асэби, покраснев, потупилась, но Укоги, кажется, не собиралась отступать.

– Наша госпожа не очень крепка здоровьем. Поэтому ничего удивительного в том нет.

Придворные дамы обменялись удивленными взглядами: мол, и что с того? Атмосфера создавалась странная, но тут, проявив понимание, тему сменила Кикуно.

– Госпожа слаба здоровьем – наверняка это оттого, что плохой воздух застоялся. Совсем скоро праздник хиина, ей должно стать лучше.

– Конечно, очищение Дня Змеи, праздник Дзёси!⁶

Про это Асэби знает. Во время церемонии очищения Дзёси скверну с тела переносили на кукол и сплавляли их по воде. Этих кукол каждый для себя изготавливал заранее, а некоторые носили их при себе.

Кикуно, увидев, что лицо Асэби просветлело, видимо, успокоилась и опять начала нахваливать свою госпожу:

– Госпожа Масухо-но-сусуки так прекрасно изготавливает кукол хиина!

– Ах, что ты такое говоришь, гадкая Кикуно!

Масухо-но-сусуки засмеялась в притворном недовольстве, а Асэби, обрадовавшись, что может поучаствовать в разговоре, вставила словечко:

– Я тоже их хорошо делаю! У меня куколка с собой!

Она не обратила внимания на недоуменные лица дам: «С собой?» – и с теплым чувством достала из-за пазухи скромную куколку.

– Кукла ведь отгоняет злых духов, вот я и ношу ее обычно с собой как оберег...

На этом месте, видимо, не сумев сдержаться, одна из дам прыснула в веер. Вслед за ней захохотали и другие.

Асэби вздрогнула и вытаращила глаза, одна в этом водовороте хохота. Судя по тому, как потупилась побледневшая Укоги, Асэби поняла, что смеются над ней. Но она не понимала, что тут смешного.

– Наверное, это хиина для церемонии очищения на воде, которую устраивают вороны-простолюдины? – со смехом спросила старуха из Зимнего павильона.

Воронами-простолюдинами – яма-карасу – называли простых людей, носивших грубые одежды, в отличие от аристократов рода ятагарасу, которых титуловали благородными воронами – мия-карасу. Услышав слова «вороны-простолюдины», Сиратама, даже не улыбнувшись, презрительно отвернулась. Но почему дама-нёбо так сказала?

– Мы, благородные вороны, во время церемонии очищения в День Змеи не совершаем таких простеньких действий. – Все еще смеясь, замахала веером на своих дам Масухо-но-сусуки, веля им перестать. – Так и быть, я покажу тебе свою куклу.

По ее знаку одна из дам что-то принесла. Перед Асэби оказалась действительно великолепная кукла хиина – довольно большая, так что ее можно было держать на руках.

Кожа у нее на ощупь гладкая – да как такую можно изготовить? Кимоно сшито из той же алой, окрашенной в цвет цезальпинии ткани, что и платье Масухо-но-сусуки. Заколка кандзаси размером с ноготок явно была сделана рукой мастера.

– Я над ней три месяца трудилась. – Голос Масухо-но-сусуки звучал звонко: она явно была довольна готовой куклой. – Мелочи я заказала еще раньше – примерно год назад.

– Цвет кимоно тоже изволила выбрать госпожа Масухо-но-сусуки!

– Ах, какие у госпожи изысканные увлечения!

Придворные дамы на все лады расхваливали свою госпожу, даже не пытаясь скрыть гордость. Дама, сопровождавшая Сиратаму, искоса поглядывая на это, фыркнула.

– Уж не знаю, насколько великолепна эта хиина, но для благородных воронов это обычное дело. Впрочем, вы, кажется, не знаете, что уже никто не проводит церемонию очищения на воде.

У аристократов праздник Дзёси проводился для того, чтобы помолиться о здоровье своих дочерей. Кукол также пускали по воде, как и в церемонии простолюдинов, но сами эти куклы

⁶ В современной Японии – один из пяти сезонных праздников. Традиционно проводился в третий день третьей луны, сейчас празднуется 3 марта как Праздник девочек, Хинаматури.

стали изысканными предметами искусства. Их уже язык не поворачивался назвать простыми оберегами, которые отводили от человека угрожавшие ему беды.

– Ведь не может жалкое изделие заменять благородную девушку. Каждый дом готовит превосходную куклу, заботясь о своем престиже.

Потом этих кукол хиина пускали по реке на великолепных лодочках, изготовленных руками домашних слуг или даже ремесленников. Конечно, их сразу же вылавливали и ставили в усадьбах для украшения, но, пока лодочки плыли, многие внимательно рассматривали красиво наряженных кукол. Это были юноши из благородных воронов. Молодые люди, вошедшие в брачный возраст, разглядывали кукол вместо спрятанных от мира утонченных барышень, раздумывая о будущей супруге. Нередко бывало и так, что владелица хорошо сделанной куклы после праздника получала любовное послание. Именно поэтому во дворце Окагу праздник Дзёси был единственным из пяти сезонных праздников, когда появление молодого господина во дворце не считалось обязательным.

Наоборот, для девушек из простых семей встречаться с мужчинами – обычное дело, так что не было никакой необходимости изготавливать великолепных кукол. Вот почему у них были такие же, как у Асэби, куколки с нарисованным на кусочке дерева лицом, одетые в простенькие кимоно из цветной бумаги. И вот почему девушки из аристократических семей называли церемонию очищения Дня Змеи праздником хиина, а не праздником очищения на воде.

Обо всем этом Асэби впервые услышала от придворной дамы из Зимнего павильона.

– Надо же, она даже о празднике хиина не знает! – в замешательстве сказала одна из дам, все еще продолжавших смеяться.

– Да точно ли она дочь Восточного дома?!

– Ей даже куклу хиина никто не сделал!

– Может быть, ее не любит отец?

Масухо-но-сусуки, возможно, решив заступиться за Асэби, со смехом сказала:

– Что ж, Асэби, напротив, очень идет такая простота. Ведь даже простенькие вещи благородных воронов для выходцев из деревни слишком изысканны. Правда?

Эхом зазвенел громкий смех женщин.

Сделанная Асэби куколка жалко смотрелась рядом с пышно убранной хииной хозяйки. Асэби чувствовала себя так, будто бессердечные слова женщин глубоко вонзаются ей в грудь. Она опустила голову, чувствуя, что вот-вот расплчется, но тут прозвучал треск, словно что-то разбилось.

– Ах, простите, – с безучастным видом произнесла Сиратама. У нее в руках была разбитая чайная чаша: кажется, девушка стукнула ею о жаровню.

– Это же любимая чаша Масухо-но-сусуки, с рисунком серой цапли!

– Ах! – вскрикнула Кикуно.

Но Масухо-но-сусуки строго одернула ее взглядом, а потом криво улыбнулась:

– Над разбитым не плачут. Не переживайте об этом.

– Я была уверена, что госпожа Масухо-но-сусуки так и изволит сказать. – Сиратама с невинной улыбкой беззвучно поднялась с места. – Что-то воздух здесь застоялся. Я выйду на улицу.

Приказав своим придворным дамам убрать осколки чаши, Сиратама взглянула на Асэби:

– Госпожа Асэби, не изволите ли присоединиться ко мне?

– Да... – Асэби была тронута ее заботой.

Вряд ли Сиратама специально разбила чашу, но она явно постаралась изменить общее настроение. Не дождавшись ответа, Асэби пошла вслед за Сиратамой на улицу.

Дойдя до галереи, откуда Масухо-но-сусуки уже не могла слышать их голоса, Сиратама остановилась.

– Госпожа Сиратама, спасибо, что позвали меня, вы меня очень выручили. Спасибо вам.

– Не стоит благодарности. Я вовсе не собиралась тебя спасать, – холодно ответила Сиратама, все так же стоя спиной к Асэби. Затем, немного подумав, она буркнула, обернувшись: – Впрочем, я хотела с тобой поговорить, только не думай, что я требую от тебя платы за одолжение... Ты не попросишь свою даму-нёбо отойти?

Стоявшая за спиной Асэби Укоги откровенно скривилась.

– Укоги!

– Как изволите. Я на некоторое время вас оставляю.

Укоги резко поклонилась, прошла мимо Сиратамы и отошла подальше. Сиратама, удостоверившись, что ее дамы-нёбо находятся достаточно далеко, повернулась к Асэби:

– Я хочу, чтобы ты оставила попытки стать супругой молодого господина.

– Что?! – Асэби вытаращила глаза.

Вот уж такого она не ожидала услышать от девицы из другого дома на следующий же день после представления ко двору. Если она действительно имеет в виду то, что сказала, то это крайне эгоистичная просьба. На мгновение Асэби показалось, что это шутка, но глаза Сиратамы оставались пугающе серьезными.

– Возможно, ты удивлена таким внезапным заявлением, но у нас с тобой изначально разное положение. Насколько я слышала, ваш дом не заинтересован в нынешнем представлении ко двору. И ты должна была лучше всех это почувствовать, – скороговоркой пробормотала девушка. – Разве не ты больше всех растеряна, потому что тебя отправили сюда без всякой подготовки? Мне не кажется, что Восточный дом ожидает, будто ты станешь супругой наследника. А вот у Северного дома, в отличие от Восточного, от этого зависит судьба рода. И мы начали готовиться к этому за много поколений до моего рождения, так что даже представить невозможно, будто мы с тобой находимся в одинаковом положении.

В голове Асэби промелькнули образы слуг Восточного дома, поздравлявших ее с представлением ко двору, и лицо Укоги, на которое она смотрела вчера вечером. И все же она даже по ошибке не могла сказать, что на нее возлагают какие-то надежды.

– Я...

– Тебя люди твоей земли простят, даже если ты не станешь супругой наследника. А для меня это невозможно. Поэтому я тебя прошу. Пожалуйста, откажись от попыток занять это место.

Асэби не знала, что ответить, у нее перехватило дыхание, но тут за спиной Сиратамы возникла чья-то тень, и девушка ахнула.

– Как ты смеешь говорить такое, девчонка из Зимнего павильона! – В голосе звучал неприкрытый гнев, но он показался Асэби таким родным: это был голос Фудзинами. Однако хотя Сиратама на миг и приняла удивленный вид, но, когда повернулась к Фудзинами, на ее лице не отразилось никаких колебаний.

– Это всего лишь шутка, госпожа Фудзинами.

– Мне послышалось иное! – Фудзинами в распахнутой лиловой накидке наступала на Сиратаму. – Предупреждаю: возможно, для тебя это шутка, но, если госпожа из Весеннего павильона воспримет это серьезно, смехом ты не отделаешься. И тогда не только восточные земли, но и я лично стану твоим врагом, запомни.

Ничего не ответив, Сиратама, все с той же улыбкой, словно приклеенной к лицу, по которому невозможно было понять ее чувства, изящно поклонилась. Старуха последовала за девушкой, и Фудзинами, проводив взглядом процессию из Зимнего павильона, которая скорым шагом направилась к Осеннему павильону, вдруг смягчилась.

– Надо же! Разве можно так, сестрица? Я так перепугалась! – Причитая, Фудзинами приложила руки к щекам, но Асэби смотрела на нее, ничего не понимая. Она словно не могла сообразить, куда повернулся разговор, но тут кто-то с улыбкой похлопал ее по плечу:

– Это я позвала госпожу Фудзинами.

– Ты, Укоги?

Как только придворных дам попросили удалиться, Укоги сразу отправилась к Фудзинами. Вмешаться в секретную беседу девиц из четырех домов могла, конечно, только она.

– А я как раз собиралась к тебе, сестрица, какое счастье. Неосторожным ответом здесь можно было вызвать множество проблем.

– Совершенно верно. Вы уж, госпожа Асэби, больше не отсылайте меня. Только не говорите, что вы уже дали положительный ответ.

Асэби поспешно начала отнекиваться, но в ее голове уже засела неясная мысль. Намерения Сиратамы словно все еще висели в воздухе, и звенящее чувство напряжения оставило неизъяснимую тень беспокойства.

– Госпожа Фудзинами, у вас было какое-то дело к госпоже Асэби?

При этих словах лицо Фудзинами просветлело.

– Да, я хотела тебе кое-что показать, сестрица.

– Тогда я предупрежу госпожу из Осеннего павильона, хорошо? – попросила разрешения Укоги, и Асэби послушно кивнула. Укоги и сама наверняка обрадовалась, что можно туда не возвращаться.

Пока Укоги ходила в Осенний павильон, Фудзинами повела Асэби в павильон Глициний.

– Госпожа Фудзинами, а где ваши сопровождающие?

Такимото, которая всегда была рядом с Фудзинами, сейчас не было видно. Фудзинами, высунув кончик языка, захихикала:

– Я по секрету от Такимото. То, что я хочу тебе показать, сестрица, находится в таком месте, что это может привести к недоразумению. Вот сюда.

Асэби послушно следовала за подругой, не понимая, куда они направляются. Фудзинами уверенными шагами следовала вглубь павильона Глициний.

– Подождите!

Куда же они идут? Если пройти еще глубже, они выйдут к месту проживания людей из дома Сокэ, а там и женская половина дворца – это Асэби знала. Они шли все дальше и дальше по коридору, и там, где Асэби уже заволновалась, – ведь дальше-то! – Фудзинами вдруг остановилась.

Там, в отвесной скале, находились огромные ворота.

Наконец-то обернувшись к Асэби, Фудзинами приложила палец к губам, давая ей знак вести себя тихо, и вынула из-за пазухи старинный ключ. Она легонько потрянула ключом, снова повернулась к воротам, и Асэби услышала клацанье металла о металл, а затем громкий скрежет.

– Открылось!

И действительно, перед Фудзинами на задвижке болтался открытый замок – больше ее ладони, тяжелый на вид. Но само наличие двери с замком не означало ли, что входить сюда нельзя? Пока Асэби думала, как бы вежливо отказаться и уйти, не обидев Фудзинами, та уже сняла засов и проскользнула внутрь.

– Го... госпожа Фудзинами!

От испуга Асэби громко вскрикнула, но в ответ прозвучало только тихое «Не кричи». Фудзинами схватила напуганную Асэби за руку и потащила ее внутрь.

– Не бойся, главное – чтобы нас не нашли.

Фудзинами, смеясь, объяснила, что в этой комнате складывают принадлежности для банкетов.

– Сюда почти никто не заходит, так что вряд ли кто-нибудь появится.

То есть для Асэби это все-таки запретное место.

– Но... но ведь... – Асэби колебалась: а вдруг кто-нибудь обвинит ее в нарушении, но следующие слова Фудзинами заставили ее замолчать.

– Я хотела показать тебе нагон.

Нагон – большое кото – это музыкальный инструмент, игра на котором считалась секретным искусством, передававшимся из поколения в поколение только в Восточном доме.

Фудзинами объяснила, что, увидев здесь однажды нагон, она все время о нем думала. Ей ужасно хотелось показать инструмент Асэби, но выносить отсюда вещи без разрешения Золотого Ворона строгойше запрещено, поэтому она хитростью утащила ключ и привела сюда подругу.

Только из нескольких забранных бамбуковыми решетками окошек в темную комнату проникали снаружи солнечные лучи. Помещение оказалось больше, чем можно было представить, вверх до самого потолка тянулись прочные полки. Асэби представилось, будто ее заперли в огромную кладовую, и она, поддавшись атмосфере этого места, молча шла вслед за Фудзинами. У той глаза блестели от предвкушения, она, не умолкая, радостно болтала.

– Я так удивилась, что в доме Сокэ есть нагон! Наверное, тому должны быть какие-то причины, но я хотела показать его тебе: уж сестрица-то наверняка разберется, что это за вещь! А если получится, может быть, когда-нибудь и сыграешь мне на нем!

– Но ведь есть гораздо более искусные музыканты, чем я...

Асэби росла без возможности близко познакомиться с книгами, но, чтобы восполнить их нехватку, ей предоставляли разные музыкальные инструменты. Среди прочих нагоном прекрасно владела ее покойная мать. Образ матери почти стерся из памяти, но звуки мелодий, которые она наигрывала вместо колыбельных, оставались где-то глубоко внутри Асэби. Так что вполне естественно, что, подрастая, Асэби полюбила именно нагон. Дело, конечно, совсем не в этом, но все-таки ей было немного интересно, что это за нагон такой, которого она до сих пор не видела.

У Асэби не было сил сопротивляться Фудзинами, поэтому, хоть и помимо своей воли, она шла за подругой, и они бродили туда-сюда между полок. На полках числа не было ценным керамическим изделиям, серебряным украшениям, но музыкальные инструменты нигде не попадались. Асэби нервничала, думая о том, что, если они в скором времени не вернуться в павильон Глициний, Укоги что-нибудь заподозрит, и тут издалека донесся голос, звавший Фудзинами, так что девочки вздрогнули и переглянулись.

– Госпожа Фудзинами, прошу вас, раз ничего не получилось, давайте придем в другой раз.

Фудзинами наверняка тоже слышала голоса своих дам, однако ее лицо выражало решимость. Асэби прекрасно знала по собственному опыту, как упряма бывает ее подруга, когда у нее становится такое лицо.

– Вот еще! Когда этот другой раз настанет?

Фудзинами упрямилась, но голоса дам приближались. Девушка явно собиралась заплакать, но Асэби приняла решение:

– Я придумала. Госпожа Фудзинами, выйдите, пожалуйста, к ним на минутку. Нужно как-то отвлечь ваших дам, а потом вы сможете вернуться. И пока вы ходите, я здесь поищу.

С неохотой Фудзинами все-таки послушалась и вышла наружу, пока придворные дамы не застали ее здесь.

– Я не буду закрывать дверь. Если найдешь, выходи наружу и подожди меня там.

– Хорошо, непременно. Только вы уж, пожалуйста, поскорее.

– Конечно же!

Дверь с лязгом закрылась. Прислушавшись к удаляющимся шагам, Асэби прислонилась к двери, через которую пробивались тоненькие лучи солнца, и вся поникла. Если ее одну найдет здесь Тахимото или еще кто-нибудь, она получит строгий выговор. «Ну почему так?» – крутилась у нее в голове мысль, но смысла сетовать и вздыхать не было. Собравшись с духом, Асэби снова встала перед бесчисленными полками.

Там, где Фудзинами ожидала найти инструмент, окон было меньше, это был укромный уголок. Крохотные окошки, сделанные явно для вида, пропускали слабые лучики, которые почти не давали света. Аккуратно, чтобы ничего не зацепить рукавом, Асэби осторожно пробиравась вперед. Затем в неверном свете она вдруг заметила что-то на полке чуть дальше в проходе.

Это что-то словно выплывало из сгустившейся темноты.

Среди крохотных пылинок, сверкавших в лучах солнца, лежал, демонстрируя свои тонкие очертания, прекрасно знакомый Асэби инструмент – нагон, большое кото.

Асэби подошла ближе, словно инструмент притягивал ее к себе, и легонько тронула корпус пальцами – он мягко отозвался под ее привычным прикосновением. Может быть, кто-то собирался на нем играть? Струны натянуты. Она легонько коснулась их ногтем – нагон не был настроен, но издал на удивление приятный звук – приятнее, чем у кото Асэби, более глубокий.

Инструмент выглядел просто, без лишних украшений. На нем был вырезан только узор, изображающий дымку над цветами сакуры. Зато корпус был сделан добротно, касаться его было приятно. Нагон выглядел так, будто готов был откликнуться на любое движение хозяина.

Асэби восхищенно вздохнула: такого великолепного нагона она еще никогда не видела.

Забыв о том, где она находится, Асэби почувствовала волнение от внезапной встречи с великолепным инструментом.

Вот она уже и заиграла, как обычно, подчиняясь своему настроению. Тут же все мучившие ее сомнения, казалось, растворились. Она даже печально улыбнулась, думая: «Какая же я примитивная».

В этот момент откуда-то раздался мягкий голос:

– Чему ты улыбаешься?

Асэби вздрогнула и замерла: голос явно не принадлежал женщине.

Она подняла голову: перед глазами мелькнула мужская фигура, закутанная во что-то белое, создающее ощущение прохлады. В темноте она поняла только, что человек оперся на колонну и смотрит на нее.

Асэби заметалась. Она была уверена, что мужчинам сюда вход воспрещен. Исключение составлял только хозяин Окагу – молодой господин. Такого говорила, что еще сюда могли входить мужчины из дома Сокэ, которым разрешили посетить Госпожу в лиловом. Человек, находящийся здесь, очевидно, был самого высокого положения. Пока Асэби растерянно молчала, не зная, как поступить, мужчина подошел к ней поближе.

Когда он проходил рядом с окном, стало возможно хоть чуть-чуть разглядеть его лицо. У него были утонченные, изящные черты лица. Свет попадал только на подбородок и рот, но светлый цвет кожи, бледные, но красивой формы губы источали такое достоинство, что даже этого было достаточно, чтобы понять, насколько благородно его происхождение.

– Я услышал прекрасные звуки кото – вот и пришел.

Асэби бросила взгляд на лицо мужчины: оно почти ничего не выражало, но ясно было, что он только что улыбнулся.

– Вы искусно играете! – Тихий голос мужчины звучал хрипло, но в то же время мягко.

Не зная точно происхождения мужчины, Асэби не могла ему ответить резко, но в любом случае ей показалось, что негоже будет отнестись к нему холодно.

– Благодарю вас за добрые слова. – Голос ее немного сорвался вверх, но улыбка была искренней. Асэби удивилась, что улыбка, которой ей ответил мужчина, почему-то выглядела неуверенной.

– Но как такая девушка, как вы, оказалась здесь? Ведь это сокровищница, куда вход строго ограничен.

При этих словах Асэби побледнела:

– Неужели сокровищница?

Фудзинами наверняка знала об этом, но специально ничего ей не сказала. Ну конечно, вон какой инструмент здесь лежит. Она нескромно касалась одного из сокровищ дома Сокэ.

Асэби пала ниц с воплем:

– Прошу меня простить! Видите ли, я услышала, что здесь находится редкий инструмент, вот и... Простите мою легкомысленность!

Но мужчина поспешно замахал на нее рукой:

– Что вы, что вы. Я не собирался вас ни в чем обвинять. Напротив, я так рад наконец-то услышать приятные звуки. Даже хотел вас благодарить, – с улыбкой сказал он, и Асэби с облегчением почувствовала, как из тела уходит напряжение. Но тут мужчина неловко добавил: – Однако вам, пожалуй, стоит держать в секрете то, что вы сюда проникли. Вам повезло, что вы встретили тут меня. Если бы это была Тахимото или еще кто-нибудь из дам, возникло бы много проблем.

Снова вздрогнув при мысли о том, что она натворила, Асэби без сил склонила голову:

– Прошу меня простить.

– Ну, хватит об этом. Однако же кто-то мог услышать звуки и подойти к входу. Я выпущу вас с другой стороны.

Мужчина ласково поманил Асэби, и она на дрожащих ногах пошла вслед за ним.

– Вы ведь из Весеннего павильона? Наверное, одна из служанок госпожи Футабы? – спросил мужчина.

Асэби без сил покачала головой:

– Ах, простите, мне так стыдно. Но я хозяйка Весеннего павильона.

– Что вы сказали?

Увидев, как мужчина удивлен, Асэби с несчастным видом кивнула:

– Произошли непредвиденные события, и мне пришлось приехать вместо старшей сестры.

– А-а, вот оно что, – пробормотал мужчина, видимо, что-то сообразив. – Но тогда это я должен просить прощения за свою невежливость.

– Нет-нет, – запинаясь, сказала Асэби. Она ведь так и не знала, кто этот мужчина, и не понимала, что будет вежливым, а что нет. У нее сердце было не на месте: возможно, она сама ведет себя не просто невежливо, а бесцеремонно. Она пробормотала что-то учтивое, смутно чувствуя растерянность мужчины.

– Что вы, не стоит так смущаться. Я простой слуга, пришел сюда по приказу Его Величества Золотого Ворона, чтобы взять Укигумо.

«Простые слуги не ведут себя как аристократы», – подумала Асэби, но поняла, что мужчина просто старается не смутить ее еще больше. Она сделала вид, что поверила, и спросила, что такое Укигумо. Поколебавшись мгновение, мужчина объяснил, что Укигумо – «Летящее Облако» – это имя нагона.

– Иногда его приносят, когда музицируют при дворе.

– Вот оно что. – Теперь Асэби поняла, почему инструмент так ухожен.

Ведя непринужденный разговор, мужчина шел между полками, а затем открыл дверцу, спрятанную между стеной и полками, – с первого взгляда и не понять было, что это дверь. Дверца казалась совсем маленькой: чтобы пролезть в нее, пришлось пригнуться. Видимо, этим путем пользовались редко.

– Отсюда можно попасть в галерею павильона Глициний. Только прошу: никому не рассказывайте, что были здесь и видели меня.

– Хорошо. Благодарю вас за помощь. Большое спасибо.

Мужчина придержал дверь, и, проходя через нее, она почувствовала мягкий аромат, струящийся от его рукавов. Услышав, что дверь за ее спиной закрыли, Асэби выпрямилась и огляделась. Она почувствовала головокружение – наверное, оттого, что вышла из темноты

на свет. Это, кажется, был не тот коридор, через который она проходила раньше, но, сделав вперед несколько шагов, увидела уже знакомый дворик.

Асэби облегченно вздохнула. Напряжение покинуло ее. Однако, двигаясь по коридору, она чувствовала, как усиливается страх. С того момента, как Фудзинами вышла из сокровищницы, прошло довольно много времени. Что ей делать, если Укоги переполошилась из-за исчезновения госпожи Весеннего павильона? Будем надеяться, что Фудзинами сумеет ее отвлечь...

– Асэби!

Неожиданно услышав свое имя, Асэби подняла глаза. Ее вдруг обняла и прижала к себе незнакомая придворная дама.

– Наконец-то! Я вас искала! Госпожа Фудзинами велела немедленно вас привести, а вас нигде не видно!

– Подожди. Ты придворная дама из дома Сокэ? – Асэби, хоть и была растеряна, однако повысила голос на даму, которая осыпала ее упреками, не разжимая объятий. Опомившись от окрика, та отскочила от Асэби.

– Ах, прошу меня извинить. Я так обрадовалась!..

Перед Асэби стояла совсем юная девушка, ненамного старше ее самой. На ее пышущей здоровьем коже виднелись веснушки. Она была в неброском наряде цвета молодой зелени и показала Асэби честной и добросовестной.

Придворная дама назвала свое имя – Самомо – и сказала, что Фудзинами велела ей немедленно привести подругу.

– Госпожа изволила сообщить, что молодой господин где-то поблизости и пройдет под площадкой для любования цветами.

– Молодой господин?! – переспросила удивленная Асэби.

Самомо несколько раз кивнула, залившись краской:

– Поспешим, прошу. Госпожа Укоги тоже искала вас.

Самомо почти тащила Асэби за собой, и, когда девушки вернулись в павильон Глициний, на них, злая, как демон, налетела Укоги:

– Госпожа! Где же вы изволили быть?!

Похоже, Фудзинами действительно удалось отвлечь Укоги от сокровищницы, и та искала Асэби повсюду.

– Госпожа Фудзинами сообщила, что вы расстались, поэтому я дошла до Весеннего павильона, но вас там не было, и мне пришлось пройти от места омовения до кухни...

Асэби велела Укоги отложить выговор до возвращения домой, так что та бубнила что-то сама себе за спиной девушки. Пройдя через несколько коридоров, они вышли в открытую галерею, откуда можно было одним взглядом охватить множество деревьев сакуры. Они еще стояли в бутонах, но уже сейчас было очевидно, что во время полного расцвета здесь будет прекрасно. Если взглянуть вниз, опираясь руками на перила, то отсюда даже была видна какая-то площадка вроде сцены.

– Сюда, Асэби!

Подняв глаза на властный окрик, Асэби увидела удобно устроившуюся на краю галереи Хамаю. Она расстелила собственное кимоно и сидела на нем, в одной руке у нее была тыкваторянка, а в другой – покрытая красным лаком чашечка для саке, которой она приветственно размахивала.

– Там тебя увидят снизу! Иди сюда скорее!

И действительно, перед Хамаю висел занавес. Во время любования сакурой музыканты и танцоры поднимались на сцену и бамбуковый занавес опускали, чтобы снизу не было видно смотрящих.

– А вон там девицы Сиратама и Масухо!

Асэби взглянула туда, куда указывал палец, и вздрогнула. Хамаю, глядевшая в ту же сторону, злобно ухмыльнулась.

– Похоже, над тобой во время чая в Осеннем павильоне сразу же поиздевались?

Асэби заупрямилась:

– Ничего подобного.

– Ври больше! Может, ты и необразованная, но достоинство у тебя есть. Они бы не стали молчать. Но на самом деле ты довольно красива, будь поувереннее в себе.

Хамаю откровенно веселилась, но Асэби, все еще не отошедшая от предыдущего происшествия, надулась:

– Это скорее про госпожу Масухо-но-сусуки. У меня волосы каштановые, и, вообще...

Честно говоря, приехав сюда, Асэби стала смущаться собственной внешности. Она не имела в виду жаловаться на тело, полученное от родителей, но ее волосы выглядели необычно для девушки при дворе, где красивыми считались гладкие, без всяких особенностей черные волосы.

Однако Хамаю, услышав эти слова, вдруг расхохоталась:

– Твои волосы нельзя назвать каштановыми. Они соломенные. Впрочем, если уж говорить о необычном цвете волос, так у Масухо-но-сусуки они тоже необычные. Красавица обязательно должна вписываться во все стандарты. Удачный случай переиграть Западный дом. – Она снова засмеялась. – Думаешь, почему Сиратама дуется? Да она ревнует к твоей красоте.

– Что?! – Асэби вытаращила глаза.

Тогда Хамаю взглянула ей в лицо:

– Ее с рождения воспитывали, внушая мысль о том, что она станет супругой молодого господина. Ничего удивительного, что она гораздо чувствительнее других людей.

«Так вот в чем дело!» – наконец-то сообщила Асэби.

– Неужели она меня ревновала?!

Хамаю легко подтвердила возможность того, что Асэби даже не приходило в голову:

– Я в этом уверена. Будь ты моей соперницей, я бы тоже не была с тобой столь мягкой.

Ее шутливые слова, видимо, подразумевали, что молодой господин не является предметом ее любви.

– Ладно, не бери в голову, – стукнула она Асэби по макушке. Потом налила девушке саке и надела: выпей да спой... Хамаю так шумела, что у Асэби было время прийти в себя, но она действительно почувствовала, как становится легко на душе.

В какой-то момент она подумала, уж не пытается ли Хамаю ее утешить, но тут из галереи донесся вопль:

– Прибыл!

– Молодой господин!

– Ну наконец-то, – буркнула Хамаю. Асэби, искоса поглядывая на нее, тоже глянула через перила вниз.

Сбоку на площадке появились какие-то силуэты – несколько сопровождающих и мальчишки-прислужники. Среди охранников в черном выделялась фигура в наброшенном на плечи светло-лиловом наряде.

– Это...

– Его Высочество молодой господин. Сын нашего любимого правителя. Ну как, понравился? – в шутку спросила Хамаю, но Асэби не сумела ей ответить. С того угла, откуда они смотрели, ей не было видно лица молодого господина. Однако его фигура казалась ей хорошо знакомой.

Интересно почему? Кажется, она уже видела кого-то похожего. А ведь она до сих пор даже из дома почти не выходила. Ну, кроме того единственного случая в детстве, когда тайком сбежала полюбоваться сакурой.

– Ах! – не сдержала она крик.

Его не могли услышать, и все же молодой господин там, внизу под ними, вдруг остановился и посмотрел вверх. До него было далеко. Он мог видеть только тени, отбрасываемые на занавес. И все же молодой господин, кажется, тихонько улыбнулся, как будто что-то высмотрел.

В это мгновение Асэби словно оказалась во власти галлюцинации, а мешавший занавес, загораживавший девушек, и все остальное будто куда-то исчезло. Вокруг вдруг закружилась метель из лепестков сакуры. Чуть розовые лепестки образовали водоворот вокруг двоих, глядевших друг на друга: одна – сверху вниз, другой – снизу вверх.

Непривычная лиловая одежда впечатляла, но главное – невозможно было отвести взгляд от этих пронзительных глаз. Руки задрожали от удивления, восхищения, желания заплакать. «А ведь мне тогда не было и десяти лет!»

– Что там? Что-то интересное?

От этого вопроса Асэби очнулась – ни метели из лепестков, ни того, кто глядел на нее снизу вверх, не было. На деревьях только бутоны, до полного расцвета еще далеко. Вокруг шумели возбужденные придворные дамы, Хамаю недовольно глядела вниз. – Асэби наконец отчетливо вспомнила, где она и что делает.

– Простите, вы что-то сказали?

– Видела? Молодой господин остановился и посмотрел сюда. Так не положено, все вокруг растерялись от его дерзости. Он всегда был такой. – Хамаю говорила холодно, а вот сердечко Асэби, напротив, застучало быстрее и щеки неудержимо загорелись румянцем. Процессия уже прошла вперед, но даже взгляда на его спину было достаточно, чтобы в груди что-то защемило.

– Госпожа Хамаю. – Голос, который Асэби наконец-то обрела, жалко дрожал. – Прошу меня извинить, мне внезапно стало плохо... Позвольте мне уйти.

Хамаю в ответ на просьбу небрежно бросила:

– Иди. Это sake на тебя так действует?

– Нет, мне нужно прилечь, и все сразу пройдет.

Укоги спросила, все ли в порядке, но Асэби лишь бессильно кивнула. Вернувшись в Весенний павильон, она сразу укрылась в опочивальне, чтобы никто не видел ее лица.

– Так это был молодой господин! – тихонько пробормотала она, и лицо ее вновь запылало. Это был молодой господин. Тот мальчик был молодой господин. Этого не может быть.

Но она была совершенно уверена, что ошибки нет. Асэби стояла слишком далеко, чтобы разглядеть его лицо, но ничуть не сомневалась в этом.

Пока она была пыталась справиться с пылавшим где-то в глубине ее тела огнем, из соседней комнаты донесся негромкий голос:

– Госпожа Асэби! Вы плохо себя чувствуете?

Узнав обладательницу голоса, Асэби вздрогнула:

– Самомо? Откуда ты здесь?

– Госпожа Хамаю велела справиться о вашем самочувствии. А госпожа Укоги, мне сказали, отправилась за лечебным отваром.

В голосе девушки действительно слышалась забота, и Асэби чуть не разрыдалась. Укоги тоже, конечно, о ней беспокоится, но у нее была неприятная особенность волноваться не столько о чувствах, сколько о теле Асэби, так что она не давала девушке отдохнуть.

Асэби вышла из опочивальни, чтобы поговорить с Самомо, и та, увидев девушку, похоже, удивилась:

– Что-то случилось? У вас глаза красные!

Асэби, спохватившись, потеряла глаза.

– Нет, ничего. Я хотела с тобой поговорить, Самомо. Можно?

– Конечно! – Самомо, похоже, смутилась, услышав такую просьбу.

– Самомо, ты ведь прислуживаешь в доме Сокэ?

– Вообще-то, да. Я прислуживаю госпоже Фудзинами, но, по случаю представления девушек ко двору, меня отправили в Летний павильон.

– Значит, тебе приходилось видеть молодого господина?

Видимо, наконец сообразив, к чему клонит Асэби, Самомо успокоилась и кивнула.

– Приходилось. Он иногда изволит посещать госпожу Фудзинами. По причине, кажется, слабого здоровья молодой господин провел детство на женской половине. Поэтому они с госпожой Фудзинами дружат и он иногда навещает ее с подарками.

– А что значит «слабого здоровья»?

– Представляете? Его должны были отправить к бывшему правителю, но даже это невозможно было сделать.

Оказалось, что молодой господин довольно много времени провел в женских покоях. За это время бывший правитель скончался, так что воспитание молодого господина доверили Западному дому – дому его матери.

– Значит, наверное, он больше никуда не выезжал?

– Не думаю. Сейчас-то он ездит даже во внешний мир, – пожала плечами Самомо. – После пребывания в Западном доме здоровье его наладилось, так что он, говорят, изволил много земель посетить. Возможно, и восточные земли навещал.

От этих слов Самомо лицо Асэби невольно покраснело. Самомо заметила это и понизила голос:

– А вам, госпожа Асэби, доводилось встречать молодого господина?

Асэби все-таки проговорила – наверное, потому, что ей было легко с Самомо, ее ровесницей. Очень уж ей хотелось, чтобы ее выслушал тот, кто не поднимет излишний шум.

– Знаешь, когда я была маленькой, я как-то раз удрала из усадьбы. Узнала, что сакура уже в полном расцвете, а Укоги отказывалась меня вести туда – говорила, что в начале весны ветер еще холодный.

Асэби не была настолько своенравной, чтобы не слушать Укоги. Наоборот, ее всегда хвалили за понятливость, но тут она все-таки заупрямилась.

– Как-то раз я обнаружила, что слуги оставили открытым черный ход. Обычно я бы не обратила на это внимания, но уж очень красивая сакура виднелась оттуда.

Асэби выскользнула из усадьбы так, чтобы ее не заметили Укоги и другие дамы-нёбо, и отправилась любоваться сакурой.

На границе восточных земель была отвесная скала. Когда-то там текла бурная река, но воды постепенно становилось все меньше, и теперь речушка была крохотной, из-за чего и сложился такой рельеф. На скалах со стороны восточных земель росло множество деревьев сакуры, и они были так красивы!

– Я очень хотела посмотреть на них и вышла на самый обрыв. И вдруг услышала смех.

Повернув голову, Асэби увидела под обрывом две маленькие тени. Это явно были дети, которые оперлись на отвесную стену и весело о чем-то болтали. Один из них держал под мышкой что-то непривычного цвета.

– Он нес лиловое кимоно.

Как Асэби ни было стыдно, она поняла смысл этого только что. А вот Самомо, похоже, сообразила сразу же:

– Это и был молодой господин, верно?

– Думаю, да.

Впервые в жизни она увидела тогда такого красивого мальчика. Ничего не изменилось и сейчас, спустя почти десять лет. Он явно сильно отличался от других мальчиков – сыновей, которых иногда приводили с собой слуги.

– Правда, тогда появилась Укоги и отругала меня, так что они сразу же исчезли.

Она не могла этого забыть. С какого-то момента у нее вошло в привычку вспоминать его каждый раз, когда зацветала сакура. Одно время Асэби даже сомневалась, не сон ли это, вспоминая его далекую от реальности фигуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.